ББК
папка 11
№5
17
Для отзыва
Б.М.Т. 8.2.

Г. КАЧЕРЕЦЪ.

ЧЕХОВЪ.

— ОПЫТЪ. —

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1902.

10944 РУССК. КН.

Б. М. I. 8. 2.
N7

Г. КАЧЕРЕЦЪ.

ЧЕХОВЪ.

— ОПЫТЪ. —

10944 РУССК. КН.

Библ. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

3416/8 М.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 18-го декабря 1901 г.

Дорогому другу

М. В. Скоковской

посвящается

этотъ опытъ.

ЧЕХОВЪ.

Слава—или то, что въ наше мелкое и тусклое время замѣняетъ славу—слѣдуетъ по пятамъ за г. Чеховымъ уже довольно изрядное время. Давно уже читатели относятся къ нему какъ къ „любимому“ и даже какъ къ „любимѣйшему“ изъ современныхъ новеллистовъ и, послушные гласу народа, критики,—подобно тѣмъ полководцамъ, геній которыхъ состоитъ въ томъ, что они слѣпо слѣдуютъ за войсками, имѣя, однако, видъ предводителей, скачущихъ на ретивыхъ коняхъ впереди своихъ батальоновъ,—критики давно уже истощили номенклатуру почтительныхъ эпитетовъ и исчерпали весь регистръ патетическихъ (а иногда и эпилептическихъ, см. *Книгу о А. П. Чеховѣ и Максимѣ Горькомъ* г. Андреевича и его же статью о новой драмѣ г. Чехова въ *Жизни*) формулъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, чтобы выразить свое удивленіе передъ дарованіемъ „высокоталантливаго“ автора *Налима*, *Восклицательнаго знака* и *Трехъ сестеръ*.

Громкая слава эта, конечно, заслужена г. Чеховымъ. Публика находится въ своей роли и съ восторгомъ шествующая за нею критика—въ своей. Есть, однако, основанія думать, что заслуги г. Чехова преувеличены и гласомъ народа, и въ особенности гласомъ такихъ энтузіастовъ, какъ упомянутый выше авторъ *Книги* и проч. Эти основанія я и предполагаю изложить въ настоящемъ опытѣ.

I.

Я намѣренъ разсмотрѣть сочиненія г. Чехова съ исключительно эстетической точки зрѣнія. Не то, чтобы я считалъ себя эстетикомъ. Ничуть. Лично меня привлекаетъ критика этическая и психологическая, но для первой въ произведеніяхъ г. Чехова матеріала нѣтъ, а для второй въ нихъ, напротивъ, избытокъ матеріала—обстоятельства одинаково неудобныя для критика.

Я опредѣлю размѣры и общій характеръ таланта г. Чехова, затѣмъ общій тонъ его произведеній; послѣ этого я займусь подробнымъ и методическимъ анализомъ отдѣльныхъ чертъ его дарованія.

Для опредѣленія размѣровъ чьего-нибудь таланта еще не существуетъ точныхъ инструментовъ. Неточно, грубо ихъ опредѣлить все-таки можно—на глазомѣръ. Если поставить г. Чехова рядомъ, напримѣръ, съ Тургеневымъ, то ростъ перваго опредѣлится съ удовлетворительною степенью точности. Г. Чехову лѣтъ сорокъ. Къ сорока годамъ Тургеневъ написалъ большую часть своихъ повѣстей, въ числѣ которыхъ такія вещи, какъ *Затишье*, *Первая любовь*, *Фаустъ*, *Ася*, не говоря уже о *Запискахъ Охотника*, написалъ *Дворянское гнѣздо*, *Рудина*, *Наканунѣ*, *Отцы и дѣти:* что значатъ въ сравненіи съ этими твореніями искусства десятокъ томиковъ, напечатанныхъ г. Чеховымъ за двадцать лѣтъ его дѣятельности?

Или взять, напримѣръ, такое обстоятельство. Тургеневъ стыдился своего перваго, плохого, произведенія и оно не было никогда перепечатано. За это г. Михайловскій надъ нимъ однажды слегка пошутилъ: „Тургеневъ, дескать, началъ прямо со второго произведенія“. Одна-

коже эта черта, хотя и наивная, указываетъ, что Тургеневъ былъ настоящій и большой артистическій темпераментъ, художественное чувство и самолюбіе котораго оскорблялись даже и заднимъ числомъ плохо сдѣланной вещью; она указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на уваженіе къ своему дѣлу и къ читателю. Теперь возьмемъ *Пестрые разсказы* г. Чехова. Добрая половина ихъ такова, что прямо руками разводишь,—какая это, извините за выраженіе, чушь и притомъ тяжелая, лишенная всякаго проблеска таланта чушь. Такія вещи, какъ *Винтъ*, *Орденъ*, *Смерть чиновника* и проч. это прямо оскорбленіе читателю, которому чуть не говорятъ, воскрешая знаменитое восклицаніе: Ванька, это твоя литература! это я для тебя, Ванька, написалъ: читай, болванъ, и наслаждайся! Когда и почему эти разсказы были написаны, это насъ не касается. Но если бы г. Чеховъ относился къ искусству съ тѣмъ уваженіемъ, безъ котораго не мыслимъ большой художникъ, онъ не перепечаталъ бы ихъ потомъ. И такъ какъ, видимо, у него совсѣмъ нѣтъ этого уваженія, то и въ данномъ отношеніи онъ очень много, очень много теряетъ отъ сравненія съ Тургеневымъ.

Наконецъ, еще одна черта: Тургеневъ былъ сторонникъ чистаго искусства. Но на самомъ дѣлѣ каждое изъ его значительныхъ произведеній носитъ характеръ этическаго отраженія дѣйствительности, проникнуто сознательною цѣлью воздѣйствовать на нее. Эта этическая связь между искусствомъ и жизнью, живущая въ душѣ каждаго большого художника и дѣлающая изъ него учителя жизни или страдальца, эта связь истерзавшая Успенскаго, бросившая Толстого на путь проповѣди, эта связь блещетъ отсутствіемъ въ писаніяхъ г. Чехова. Ея присутствіе еще ничего не говоритъ о размѣрахъ таланта; напротивъ, недостатокъ ея указываетъ на значительный изъянъ въ душѣ писателя и слѣдовательно въ его дарованіи.

Вышесказанное поможетъ намъ теперь опредѣлить общій тонъ произведеній г. Чехова. Одна почитательница послѣдняго характеризовала какъ-то, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, я думаю, этотъ общій тонъ словами „чудесная печаль“; одинъ почитатель г. Чехова назвалъ „грустной повѣстью“ разсказъ *Моя жизнь*. Если бы дѣло ограничивалось одной только парой почитателей, то объ этомъ не стоило бы, конечно, и говорить. Но взглядъ на г. Чехова, какъ на спеціалиста грусти и печали, очень распространенъ. Въ дѣйствительности, по природѣ своей, г. Чеховъ, авторъ водевилей и *Пестрыхъ разсказовъ*, любилъ, въ молодости, по крайней мѣрѣ, вызывать, какъ разъ наоборотъ, легкій, беззлобный, такъ сказать гигіеническій смѣхъ; да онъ и теперь отъ этого не прочь. Г. Чеховъ такъ далекъ отъ грусти и печали, что даже драмы его и его драматическіе разсказы не навѣваютъ этихъ чувствъ. Возьмите, напримѣръ, *Иванова*. Чѣмъ не драма? Жена Иванова умираетъ отъ чахотки и оттого, что мужъ не любитъ ея больше, самъ Ивановъ застрѣливается годъ спустя въ день свадьбы съ другою, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ вѣнцу. Несмотря на эти смертные эффекты, *Ивановъ* внушаетъ зрителю и читателю одно только полное равнодушіе.

Тоже и *Моя жизнь*. Разсказывается въ этой повѣсти о молодой дѣвушкѣ, влюбившейся въ заѣзжаго доктора, человѣка съ либеральными идеями и обширнымъ гардеробомъ. Докторъ этотъ уже имѣетъ отъ другой женщины троихъ дѣтей, но ему желательно еще имѣть четвертаго отъ дѣвушки, о которой идетъ рѣчь. Затѣмъ докторъ уѣзжаетъ; дѣвушка же эта, родивъ ребенка, умираетъ отъ чахотки. Разсказывается въ повѣсти *Моя жизнь* еще о другой дѣвушкѣ, подругѣ первой,— эта молчаливо и тайно любитъ одного молодого человѣка, ремесломъ красильщика крышъ. Самъ же этотъ красильщикъ любитъ нѣкоторую „великолѣпную Машу“,

на которой и женится совершенно, впрочемъ, невзначай. Маша эта, если вообще такая вещь вѣроподобна, только отъ одной лишь очевидно провинціальной скучищи могла броситься на шею интеллигентному и умному красильщику крышъ. Какъ бы то ни было, но, побаловавшись со своимъ нечаяннымъ мужемъ мѣсяцъ или два, она возвращается въ сферы ей болѣе сродныя, въ Петербургъ. Итакъ, со стороны чувствъ — идеи мы пока оставимъ въ сторонѣ, да онѣ и не играютъ никакой роли въ грустномъ и печальномъ—*Моя жизнь* представляетъ новую комбинацію очень извѣстной старой исторіи: рядъ невстрѣчающихся влеченій и въ итогѣ соотвѣтственное количество изломанныхъ существованій. Въ жизни это очень скверная исторія; много тоски и горечи сквозитъ въ посвященныхъ ей знаменитыхъ четырехъ строчкахъ нѣмецкаго поэта.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie just passieret,
Dem bricht das Herz entzwei.

Въ пересказѣ г. Чехова эти тоска и горечь ослаблены до послѣдней степени. Надломы сердечные и у красильщика крышъ и у дѣвушки, которая его любитъ, конечно, тѣже, что и у всѣхъ и такъ же тяжки они, какъ у всѣхъ, съ кѣмъ такая исторія случается, но въ разсказѣ нашего автора этого не видать, и впечатлѣніе получается какое-то жидкое и вялое. Не весело оно, конечно, но и не печально; такъ себѣ что-то.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Жена врача Дымова въ разсказѣ *Попрыгунья* находится въ постоянныхъ поискахъ великаго человѣка. На этомъ основаніи она вступаетъ въ связь съ однимъ художникомъ, который вскорѣ ее мѣняетъ на другую женщину. Оттуда—сцены, ревность на глазахъ у Дымова. Дымовъ, это—рогоно-

сецъ по призванію. Но человѣкъ и онъ все-таки. Грызли его горе, ревность и тоска до того, что онъ намѣренно заразился дифтеритомъ отъ больного и умеръ. Тутъ-то и оказалось, что Дымовъ былъ замѣчательный ученый, одна изъ надеждъ великихъ Россіи. Дура жена его поняла это, да поздно. Разсказъ этотъ производитъ то же впечатлѣніе, что и *Ивановъ* и *Моя жизнь*. Дымовъ, самое-то главное и интересное лицо, такъ мало участвуетъ въ разсказѣ, что получается что-то странное. Что страдаетъ онъ, что больно ему, что тошно ему, что горько ему, это мы понимаемъ, но только *понимаемъ*. Мы рады бы душой посочувствовать бѣднягѣ, но при всемъ нашемъ добромъ желаніи нѣтъ никакой возможности сдѣлать это, потому что опять-таки страданій его намъ не видно и не слышно, и опять, какъ всегда послѣ разсказовъ г. Чехова, у насъ остается какое-то особое, „чеховское“, впечатлѣніе, трудно опредѣлимое, но во всякомъ случаѣ не грустное и еще менѣе печальное.

Для того, чтобы чье-нибудь горе было видно и слышно другому, нужно, чтобы живописующій его художникъ хоть въ слабой степени его и самъ перестрадалъ со своимъ героемъ и чтобы хоть въ слабой степени онъ передалъ его какъ свое. Достоевскій плакалъ надъ своими „бѣдными людьми“ Рѣшетниковъ плакалъ надъ Пилой: эти писатели умѣли сострадать. Г. Чеховъ презрительно-равнодушенъ къ своимъ персонажамъ; онъ относится къ нимъ какъ-то посторонне-холодно; рѣдко, очень рѣдко, да и то лишь когда это женщины, шевельнется въ немъ что-то смутно похожее на сожалѣніе къ нимъ. Естественно, что это отношеніе сообщается и читателю: читатель тоже остается холоденъ.

Въ молодости г. Чехова, люди его забавляли своей глупостью; какъ ни слаба была эта связь между нимъ и ими, это была все-таки связь: это была пора незлобивыхъ шутокъ, веселыхъ безъ ѣдкости водевилей и

Пестрыхъ разсказовъ. Потомъ люди стали надоѣдать ему и не то, чтобы раздражать, а слегка царапать его своей глупостью и пошлостью, и шутка г. Чехова оттѣняется проніей и пренебреженіемъ; затѣмъ ему люди и совсѣмъ наскучили. Скукой проникнутъ цѣлый рядъ его разсказовъ. Какъ одинъ мужикъ въ его этюдѣ *Степь*, разстроенный, очевидно передъ грозой, тяжелымъ зноемъ воздуха, вопитъ: „скушно мнѣ!“ — такъ и г. Чеховъ, не умѣя отдать себѣ отчета въ томъ, чего ему нужно, чего недостаетъ ему, и, подчиняясь безсознательно и безвольно дѣйствію атмосферы, можетъ-быть, предбурной, въ которой онъ живетъ, говоритъ цѣлой серіей разсказовъ, что ему скучно. Оттуда эти заглавія какъ бы приглушенныя и тихія: *Въ сумеркахъ*, *Хмурые люди*, *Скучная исторія*, *Разсказъ неизвѣстнаго человѣка*, *Чайка*; оттуда и стиль г. Чехова, неторопливый и неяркій. Скука, дѣлаясь хронической въ г. Чеховѣ, превращается въ тоску. И эту скуку и тоску добрые люди принимаютъ за грусть и за „чудесную печаль“. Но писателемъ грусти и печали можетъ быть только художникъ, которому люди внушаютъ сочувствіе или ненависть, любовь или злобу. Но писателемъ грусти и печали можетъ быть только художникъ съ большимъ артистическимъ темпераментомъ и въ душѣ котораго живетъ какое ни на есть этическое отношеніе къ дѣйствительности.

II.

Талантъ г. Чехова—оригинальный и сильный. Но эта оригинальность и эта сила въ значительной мѣрѣ теряютъ отъ узости и неглубокости его захвата.

Оригинальность, пожалуй, самая отчетливая черта его. Г. Чеховъ ищетъ прежде всего остановить, заинтриговать, поразить вниманіе чѣмъ-нибудь страннымъ, рѣдко наблюдаемымъ, неожиданнымъ. Такъ, въ разсказѣ

Скрипка Ротшильда рѣчь идетъ не о какой-нибудь необыкновенной скрипкѣ одного изъ космополитическихъ крезовъ, какъ это можно подумать, судя по оригинальному заглавію разсказа, а *между прочимъ* о самой обыкновенной скрипкѣ, доставшейся по наслѣдству какому-то жалкому еврею, музыканту въ захолустномъ оркестрѣ, котораго г. Чеховъ наградилъ, должно-быть за искусство, фамиліей Ротшильда. Я уже упомянулъ объ одной дамѣ изъ разсказа *Попрыгунья*, все искавшей великихъ людей и промигавшей своего мужа, который и былъ искомымъ великимъ человѣкомъ.—Мы думаемъ обыкновенно, что если любовница намъ надоѣла и мы желаемъ какъ-нибудь отъ нея отдѣлаться, то мы ей что-нибудь времъ, или бросаемъ ее грубо, или плачемъ вмѣстѣ съ ней объ отлетѣвшей любви, но въ концѣ концовъ все-таки поворачиваемъ ей спину и уходимъ. Не такъ у г. Чехова. Въ пьесѣ *Чайка* Тригоринъ говоритъ Аркадиной очень спокойно и даже какъ будто лѣниво, что его „манитъ“ къ Нинѣ и проситъ Аркадину „отпустить“ его. „*Тригоринъ*. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая въ міръ грезъ,—на землѣ только она одна можетъ дать счастье! Такой любви я не испыталъ еще... Въ молодости было некогда, я обивалъ пороги редакцій, боролся съ нуждой... Теперь вотъ она, эта любовь, пришла, наконецъ, манитъ. Какой же смыслъ бѣжать отъ нея?—*Аркадина* (съ гнѣвомъ). Ты сошелъ съ ума!—*Тригоринъ* (беретъ себя за голову). Не понимаетъ! Не хочетъ понять! — *Аркадина*. Неужели я уже такъ стара и безобразна, что со мною можно не стѣсняясь говорить о другихъ женщинахъ?“—Мы сложили себѣ мнѣніе, что женщины любятъ сильныхъ людей. Но Аркадина, не желающая „отпускать“ къ Нинѣ своего Тригорина, такъ умѣетъ уговорить его, что тотъ уступаетъ, какъ измятая тряпка, ея небольшому усилію.

Но уступаетъ съ возгласомъ удивленія: „У меня нѣтъ своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный—неужели это можетъ нравиться женщинамъ?“—Мы составили себѣ представленіе, что мужчины первые признаются женщинамъ въ любви. У г. Чехова (*Вѣрочка*) это бываетъ и наоборотъ. Вѣрочка, однако, дѣлаетъ признаніе, какъ можетъ сдѣлать его въ крайнюю минуту порядочная дѣвушка: борется съ собой, выговариваетъ слова съ усиліемъ, черезъ слёзы. Притомъ она знаетъ довольно давно человѣка, котораго любитъ, и этотъ человѣкъ уѣзжаетъ, не сказавъ ей слова любви. Тогда она, собравшись съ силами, наконецъ, рѣшается сказать это сама. Но вотъ Саша въ пьесѣ *Иванова* поступаетъ уже иначе. Она изъ слова „люблю“ дѣлаетъ настоящее орудіе натиска на Иванова. Онъ отбивается руками и ногами. „*Иванова* (въ отчаяніи хватаетъ себя за голову). Не можетъ быть! Не надо, не надо, Шурочка!.. Ахъ, не надо!..—*Саша* (съ увлеченіемъ). Люблю я васъ безумно... Безъ васъ нѣтъ смысла моей жизни, нѣтъ счастья и радости! Для меня вы все!..—*Иванова*. Къ чему, къ чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..—*Саша*. Въ дѣтствѣ моемъ вы были для меня единственной радостью; я любила васъ и вашу душу, какъ себя, а теперь... я васъ люблю, Николай Алексѣевичъ... Съ вами не то, что на край свѣта, а куда хотите, хоть въ могилу, только ради Бога скорѣе, иначе я задохнусь...“ Граціи, нерѣшительности, стыдливости такъ свойственны неиспорченной дѣвушкѣ въ виду человѣка, незнающаго, что онъ любимъ и который, какъ въ разсказѣ *Вѣрочка* можетъ отвѣтить отказомъ, въ Сашѣ совершенно нѣтъ, какъ видимъ. Она завоевываетъ Иванова, зная, что у него имѣется умирающая, но еще не умершая жена, и совѣстливости такъ естественной, такъ обязательной въ подобныхъ обстоятельствахъ со стороны хо-

рошей дѣвушки, въ Сашѣ опять-таки не замѣтно. Но въ объясненіе поступковъ Саши можно привести отчасти то обстоятельство, что, какъ мы видѣли, она знала Иванова съ дѣтства: такому человѣку можно и первой сказать, что онъ любимъ, и въ виду крайней слабости его характера даже сказать ему это въ энергичной и внушительной формѣ. Хорошо. Но вотъ Нина въ *Чайкѣ*. Въ первомъ дѣйствіи она любитъ или ей кажется, что она любитъ Треплева, двадцатипятилѣтняго начинающаго писателя. „Мое сердце полно вами“, говоритъ она ему. Послѣ чего слѣдуетъ поцѣлуй. Въ первомъ же дѣйствіи она встрѣчаетъ Тригорина, разсказы котораго ей кажутся чудесными. Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ Тригоринъ съ Ниной не видятся. Во второмъ дѣйствіи у нихъ происходитъ разговоръ о славѣ, о творчествѣ—и нимало о любви, что и понятно, такъ какъ они во второй разъ въ жизни видятъ другъ друга. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ недѣля, въ теченіе которой они снова не видятся. Въ третьемъ дѣйствіи Нина вручаетъ Тригорину на память медальонъ съ вырѣзанной цифрой страницы изъ одной изъ его книгъ. На этой страницѣ Тригоринъ прочелъ: „Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее!“ Третье дѣйствіе поэтому оканчивается поцѣлуемъ, но уже между Тригоринымъ и Ниной. И такъ Нина видитъ въ третій разъ всего незнакомаго ей человѣка, разсказы котораго ей нравятся, и уже предлагаетъ ему свою жизнь и цѣлуется съ нимъ. Что касается Треплева, она отъ него отвертывается такъ же скоро, какъ скоро повертывается къ Тригорину; она оставляетъ этого человѣка, для котораго, она это знаетъ, она очень много значитъ, безъ всякихъ колебаній, безъ всякой жалости къ нему, безъ теплаго слова. Все это противорѣчитъ тому, къ чему мы привыкли и въ романахъ и въ жизни.—Романисты часто описываютъ пер-

вую любовь: г. Чеховъ опишетъ „первую ненависть“ (*Зиночка*).—Романисты да и всѣ люди полагаютъ, что молодыя дѣвушки средняго круга ведутъ трезвый образъ жизни: г. Чеховъ открываетъ молодую дѣвушку, которая пьетъ водку и нюхаетъ табакъ (Маша въ *Чайкѣ*).

Много и другихъ примѣровъ можно было бы привести въ подтвержденіе того, что г. Чеховъ имѣетъ сильную наклонность изображать необычныя положенія, поступки, невяжущіеся съ образомъ дѣйствія въ жизни большинства людей, и подмѣчать въ самыхъ обыкновенныхъ характерахъ свойства останавливающія своею неожиданною странностью.

Укажемъ теперь другую, чрезвычайно оригинальную черту г. Чехова,—черту исключительно ему принадлежащую и очень любопытную. Она состоитъ въ томъ, что всѣ необычныя, странныя и неожиданныя положенія или свойства характеровъ, онъ неизмѣнно сводитъ на обыкновенныя и заурядныя. За-тѣмъ только человѣкъ и пишетъ, чтобы сначала выставить напередъ завѣдомо для всѣхъ интригующій фактъ и, до нѣкоторой степени околдовавъ вниманіе, повернуть дѣло такъ, что тутъ, дескать, рѣшительно ничего особеннаго и нѣтъ вовсе. Маша въ *Чайкѣ* открываетъ первое дѣйствіе діалогомъ съ влюбленнымъ въ нее учителемъ. Съ третьей фразы она нюхаетъ табакъ и говоритъ своему поклоннику: „одолжайтесь!“ протягивая ему табакерку. Вы удивлены. Что такое? Двадцатилѣтняя дѣвушка и нюхаетъ табакъ! Зачѣмъ это? Съ чего понадобилась автору эта непривлекательная мелочь? Постойте. Передъ концомъ перваго дѣйствія она опять нюхаетъ табакъ и потомъ, склонивъ голову на грудь пожилого доктора Дорна, говоритъ ему съ волненіемъ и тихо: я люблю Константина (Треплева). Тутъ вы ужъ и вовсе возмущены. Что за безобразіе: нюхаетъ табакъ и любитъ Константина! Что за насильственное, уродское сопоста-

вленіе! Зачѣмъ оно нужно было г. Чехову? Но подождите. Во второмъ дѣйствіи вы находите слѣдующія реплики: „*Маша* (встаетъ). Завтракать пора, должно быть (идетъ лѣнивою, вялою походкой). Ногу отсидѣла... (Уходитъ.)—*Дорнъ*. Пойдетъ и передъ завтракомъ двѣ рюмочки пропуститъ“. Какъ! восклицаете вы, потрясенный до дна души: какъ—двѣ рюмочки? Это еще что такое? Но уже Машино нюханье табаку потеряло для васъ остроту перваго впечатлѣнія. Если, говорите вы себѣ, эта особа деликатнаго пола, барышня при этомъ, хлещетъ водку передъ каждой ѣдой, такъ что ужъ тамъ табакъ! И вотъ, видите: г. Чеховъ уже свелъ на вещь обыкновенную фактъ, который васъ сначала непріятно поразилъ: неожиданность его стушевалась передъ другою, болѣе поразительною и сильною. Съ ней вы еще не миритесь,— потерпите: г. Чеховъ заставитъ васъ примириться и съ ней. Сначала вы какъ будто думаете, что не такъ прочитали или что Дорнъ вретъ. Но вотъ проходитъ Тригоринъ съ записной книжкой, въ которую вноситъ на память: „Нюхаетъ табакъ и пьетъ водку. Всегда въ черномъ. Ее любитъ учитель“. Являясь во второй разъ, новость эта производитъ уже болѣе слабый эффектъ, хотя успокоиться вы еще не можете. Но вотъ при началѣ третьяго дѣйствія вы видите воочію, какъ Маша пьетъ водку. „*Маша*... Не повторитъ ли намъ?—*Тригоринъ*. А не много ли будетъ?—*Маша*. Ну, вотъ! (Наливаетъ по рюмкѣ.)“ Теперь вы ужъ убѣдились, что не старуха—молодая дѣвушка, не алкоголичка, не эксцентричная, а здоровое, простое, добродушное существо пьетъ водку, дѣйствительно пьетъ. Въ первую минуту вамъ это казалось чудовищно, теперь это только какъ-то странно. Еще секунду: Тригоринъ смотритъ на Машу, какъ и вы, удивленными глазами. „Вы не смотрите на меня такъ,— говоритъ она ему.—Женщины пьютъ чаще, чѣмъ вы

10944 РУССК. КН.

думаете. Меньшинство пьетъ открыто какъ я, а большинство тайно. Да. И все водку или коньякъ". А! если такъ, то изъ-за чего же вы волновались спрашивается? Многія, стало-быть, пьютъ; можетъ, всѣ женщины пьютъ. Вы не вѣрили, но г. Чеховъ говоритъ, значитъ знаетъ; ему и книги въ руки. И вотъ вы уже пожимаете плечами: Маша пьетъ водку—удивительное, подумаешь, дѣло! Многія пьютъ. Такимъ образомъ постепенно и съ тонкимъ умѣньемъ г. Чеховъ принудилъ васъ видѣть въ донельзя поразившемъ васъ сначала зрѣлищѣ очень обыденное явленіе. Замѣтьте, что онъ при этомъ произвелъ надъ вами насиліе. Самъ по себѣ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, все-таки исключителенъ; иначе онъ не взволновалъ бы васъ такъ, да и г. Чеховъ не вставилъ бы его въ свою пьесу. Въ дѣйствительности пьющія женщины сравнительно рѣдки и попадаются онѣ по большей части между пожилыми. „Женщины пьютъ чаще, чѣмъ вы думаете", говоритъ г. Чеховъ. Но это отводъ глазъ. Покажи бы онъ на сценѣ женщину лѣтъ сорока, пьющую водку, поморщился бы, можетъ-быть, зритель, но неособенно бы удивился. Не о женщинѣ идетъ рѣчь, а о дѣвушкѣ, о молодой дѣвушкѣ. Молодыя же дѣвушки не пьютъ даже и „тайно". Г. Чеховъ, можетъ-быть, и видалъ одну, что пьетъ „открыто". Сейчасъ же онъ по своему оригинальному, но дурному обыкновенію обработалъ этотъ исключительный фактъ, сначала сильно выдвинувъ его впередъ и подчеркнувъ, а потомъ, какъ мы видѣли, по своему еще болѣе оригинальному и еще болѣе дурному обыкновенію, расширивъ единичный этотъ фактъ до размѣровъ распространеннаго и заурядnаго явленія; а вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь этимъ, онъ васъ заставилъ принять и другой фактъ, еще болѣе рѣдкій, еще менѣе вѣроятный,—что молодая дѣвушка нюхаетъ табакъ.

Чтобы произвести надъ человѣкомъ такое насиліе,

10944 Русск. кн.

Научная библиотека Горького

нужно имѣть силу, почему я и говорю, что у г. Чехова сильный талантъ. Нужно сказать, притомъ, что въ большинствѣ случаевъ г. Чеховъ, насилуя своего читателя, даже и не употребляетъ такихъ сложныхъ средствъ, какъ тѣ, къ которымъ онъ вынужденъ прибѣгать въ своихъ пьесахъ. Онъ просто говоритъ о выдающихся вещахъ, какъ о вещахъ самыхъ обыденныхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу. Въ разсказѣ *Степь* есть одинъ еврей Соломонъ. Выработалъ себѣ этотъ Соломонъ философію жизни во всякомъ случаѣ интересную. „Нѣтъ такого барина или милліонера,—говоритъ онъ, который изъ-за лишней копейки не сталъ бы лизать рукъ у жида пархатаго“—и продолжаетъ: „а я свои деньги спалилъ въ печкѣ. Мнѣ не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобъ меня боялись и снимали шапки, когда я ѣду“. Спалилъ же Соломонъ въ печкѣ ни больше, ни меньше какъ шесть тысячъ рублей и поступилъ затѣмъ къ своему собственному брату въ лакеи. Хорошія деньги—шесть тысячъ, даже и не въ захолустьѣ, гдѣ онѣ стоятъ впятеро больше. Отказаться отъ нихъ съ такимъ презрѣніемъ, какъ это сдѣлалъ Соломонъ—отказаться въ то время какъ многіе руки бы себѣ спалили, чтобы ихъ достать изъ печки—можетъ, очевидно, человѣкъ большого душевнаго роста и по вложеннымъ въ его натуру задаткамъ очень замѣчательный человѣкъ. Прибавьте къ этому, что съ такою душевною силою Соломонъ соединяетъ печальную наружность: „невысокій, рыжій, съ большимъ птичьимъ носомъ и съ плѣшью среди жесткихъ, кудрявыхъ волосъ“; затѣмъ и „одѣтъ онъ былъ въ короткій, очень поношенный пиджакъ, съ закругленными фалдами и съ короткими рукавами, и въ короткія, трековыя брюки, отчего самъ казался короткимъ и кургузымъ, какъ ощипанная птица“. Положительно нѣтъ писателя, который прошелъ бы равнодушно и мимо

этого величія, и мимо этого романтическаго, но дѣйствительнаго контраста между высокой душой, облеченной въ жалкія формы и въ смѣшные покровы, и окружающими ее въ случайной и мимолетной картинѣ ничтожными людьми съ ихъ ничтожными мыслями и рѣчами. Г. Чеховъ проходитъ равнодушно. О Соломонѣ, объ его братѣ Моисеѣ Моисеичѣ, объ о. Христофорѣ, о купцѣ Кузьмичовѣ, обо всѣхъ, обо всемъ, онъ говоритъ однимъ и тѣмъ же неторопливымъ одноцвѣтнымъ тономъ, никогда не волнуясь и никогда не спѣша. Что особеннаго въ Соломонѣ? Чѣмъ онъ отличается отъ о. Христофора? Только тѣмъ развѣ, что у него волосы рыжіе, а у попа сѣдые, у Соломона жесткіе, а у о. Христофора мягкіе, попъ улыбается добродушно, а Соломонъ презрительно и ѣдко. А какая разница между Соломономъ и его братомъ Моисеемъ Моисеичемъ? Этотъ высокій, а тотъ невысокій, Моисей юркій, а Соломонъ тяжелый, Соломонъ надменный, а Моисей чуть не подобострастный—вотъ и все. Разница чисто формальная: различіе линій рта, выгибовъ тѣла, наклоновъ головы, поворотовъ шеи, тембровъ голоса, звуковъ смѣха. Но человѣкъ не одно тѣло, и есть между людьми еще другой родъ различій. Эти послѣднія г. Чеховъ ревниво затираетъ той одинаковостью тона, однообразіемъ изложенія, о которыхъ было сказано выше. Когда онъ думаетъ, что уравненіе всѣхъ лицъ недостаточно достигнуто этимъ, онъ бросаетъ на самое яркое изъ нихъ двѣ-три тѣни. Этотъ самый Соломонъ „пріѣзжалъ въ N. на ярмарку жидовъ представлять“, въ одномъ изъ балагановъ „разсказывалъ сцены изъ еврейскаго быта и пользовался большимъ успѣхомъ“. Вотъ Соломонъ—гаеръ, и вотъ уже развѣнчанъ Соломонъ. Братъ его даетъ понять, что у Соломона въ головѣ не ладно, и вотъ Соломонъ уже и вовсе сведенъ на одинъ уровень со всѣми пошлыми людьми.

Есть у г. Чехова очень интересный разсказъ *Перекати-поле*. И тамъ идетъ рѣчь объ евреѣ, недавно перешедшемъ въ православіе. Александръ Ивановичъ, бывшій Исаакъ, по его собственнымъ словамъ, „съ дѣтства питалъ любовь къ ученію“. Родители были за то, чтобы сдѣлать изъ него торговца, и онъ отъ нихъ бѣжалъ въ Смоленскъ къ двоюродному брату, „который лудилъ посуду и дѣлалъ жестянки. Думалъ такъ, что днемъ буду работать, а ночью и по субботамъ учиться... я такъ и дѣлалъ“. Полиція узнала, что онъ, Исаакъ, живетъ безъ паспорта, и ему пришлось опять бѣжать изъ города въ городъ. Но вотъ онъ добрался до Одессы. „Я ужъ умѣлъ тогда читать и писать, зналъ ариѳметику до дробей и хотѣлъ поступить куда-нибудь учиться“. Почему онъ оставилъ Одессу и поѣхалъ въ Перекопъ, оттуда въ Полтаву, знать для насъ здѣсь не интересно. Въ Полтавѣ „одинъ студентъ-еврей, узнавъ, что я желаю учиться, далъ мнѣ письмо къ Харьковскимъ студентамъ“. Тѣ стали готовить его въ техническое училище, но и это не удалось, и онъ поступилъ въ горное училище на Донецкой дорогѣ. При практическихъ работахъ онъ упалъ въ шахту и страшно расшибся. Пришлось оставить училище и лечь въ больницу. Въ больницѣ онъ надумалъ креститься. Въ моментъ своей встрѣчи съ г. Чеховымъ онъ направлялся въ Новочеркасскъ, гдѣ ему обѣщали мѣсто учителя въ церковно-приходской школѣ. Г. Чеховъ особенно интересовался узнать, что̀ именно заставило Александра Ивановича, бывшаго Исаака, принять православіе. Гипотезу убѣжденія или же корысти г. Чеховъ отклонилъ. А самъ Исаакъ ничего ему объ этомъ не хотѣлъ сказать. „Оставалось только помириться на мысли, что перемѣнить религію побудилъ его тотъ же самый безпокойный духъ, который бросалъ его, какъ щепку, изъ города въ городъ, и который опъ, по общепринятому шаблону, называлъ

стремленіемъ къ просвѣщенію". Эта послѣдняя фраза, очень характерна для г. Чехова. Замѣтьте, что, по его мнѣнію, этого Александра Ивановича изъ города въ городъ гналъ безпокойный духъ, тогда какъ изъ Смоленска, напримѣръ, его, какъ мы видѣли, гнала просто-напросто полиція. На каждую перемѣну мѣстопребыванія у Александра Ивановича была вполнѣ уважительная причина. Такъ, изъ Харькова онъ долженъ былъ уѣхать, потому, что мать его разыскивала по всему городу. Если бы была для него возможность остаться, то онъ, самъ выучившійся по-русски, читавшій уже безъ словаря Корнелія Непота, добился бы чего-нибудь навѣрное. Затѣмъ слова „безпокойный духъ" сами по себѣ ничего еще не объясняютъ. Одного этотъ духъ толкаетъ на разбой, другого на разыскиваніе золота въ невѣдомыхъ еще залежахъ, третьяго на изслѣдованіе глубинъ Азіи и Африки; Александра Ивановича онъ могъ побудить учиться, учиться и учиться. Если безпокойный духъ изслѣдователей мы называемъ страстью къ путешествіямъ, то почему и не назвать страсть Александра Ивановича стремленіемъ къ просвѣщенію? Г. Чеховъ на это несогласенъ, во-первыхъ, потому что въ этихъ словахъ онъ видитъ „общепринятый шаблонъ", а какъ человѣкъ оригинальный, онъ не любитъ шаблоновъ; во-вторыхъ, въ этихъ словахъ „стремленіе", „просвѣщеніе", какъ они ни избиты, есть что-то крылатое и чистое, возвышающееся надъ сѣрой пошлостью обыденнаго существованія. А человѣка, побуждаемаго чѣмъ-нибудь хоть сколько-нибудь высокимъ, сильнымъ, г. Чеховъ не можетъ нарисовать, чтобы тотчасъ же, повинуясь какому-то странному инстинкту, не обезцѣнить его побужденій и не низвести его этимъ до уровня заурядности. Вотъ почему онъ и поставилъ вмѣсто словъ „стремленіе къ просвѣщенію" ничего не выражающее, но, конечно, принижающее выраженіе „безпо-

койный духъ". Только я не вижу, почему оно менѣе шаблонно, чѣмъ первое.

Странность и неожиданность описываемыхъ г. Чеховымъ положеній, подчеркиванье исключительныхъ обстоятельствъ или чертъ характера, сопровождаемое сведеніемъ ихъ до обыденныхъ въ связи съ невозмутимою ровностью и однообразіемъ тона—все это обусловливаетъ то, что разсказы г. Чехова производятъ какое-то особое и рѣзкое, имъ однимъ вызываемое, „чеховское" впечатлѣніе. Оно очень своеобразно и отчетливо, но оно и сложно, и сразу нельзя сказать, въ чемъ собственно его суть. Одно чувствуется несомнѣнно, что впечатлѣніе это — странное и непріятное, а иногда и прямо отталкивающее.

III.

Разбираясь затѣмъ въ этомъ впечатлѣніи, отыскивая незамѣтныя ощущенія, изъ которыхъ оно сложилось, приходишь къ заключенію, что оно вытекаетъ изъ узости, и односторонности таланта г. Чехова.

Что захватъ дарованія г. Чехова неширокъ, видно уже изъ того, что за 15—20 лѣтъ своей дѣятельности онъ не далъ ни одного сколько-нибудь крупнаго по замыслу произведенія. Пусть бы оно было оборвано, скомкано, брошено на полдорогѣ, лишь бы въ немъ видна была попытка обобщающаго творчества, объединяющей мысли; но этого нѣтъ. Такое отсутствіе потребности расширить размахъ своей дѣятельности, такое абсолютное закрѣпощеніе ея на пространствѣ частнаго случая — явленіе по своей крайней рѣдкости въ высшей степени интересное. Положительно нѣтъ ни одного писателя даже между второстепенными и третьестепенными, котораго въ этомъ смыслѣ можно было бы поставить въ pendant г. Чехову. О перворазрядныхъ ху-

должникахъ и говорить нечего. У г. Чехова дѣло всегда ограничивается какимъ-нибудь отдѣльнымъ, случайно подмѣченнымъ происшествіемъ по большей части единичнаго характера, довольно любопытнымъ какъ происшествіе, но и только.—У Усковыхъ идетъ фамильный совѣтъ, спасти ли племянника отъ судебнаго преслѣдованія или предоставить его на произволъ послѣдствій его преступленія: племянникъ учелъ фальшивый вексель. Одинъ изъ дядей очень настаиваетъ, чтобы молодого человѣка простить и спасти—и убѣждаетъ весь совѣтъ. По выходѣ изъ дома, гдѣ совѣтъ происходилъ, молодой человѣкъ у этого же дяди и довольно нагло требуетъ сто рублей на кутежъ. И дядя даетъ (*Задача*). Очень любопытный случай. Разсказать его гдѣ-нибудь на именинахъ въ обществѣ, да если еще хорошо разсказать, можно большую сенсацію произвести, въ особенности если Усковы извѣстны въ этомъ обществѣ. Но поставлять въ извѣстность всю Россію о томъ, что у Усковыхъ племянникъ вышелъ шалопай, можетъ быть, не такъ ужъ было необходимо.

У доктора Кириллова только что умеръ сынъ. Мать и отецъ въ нѣмомъ горѣ. Пріѣзжаетъ нѣкто Абогинъ и умоляетъ доктора ѣхать къ опасно заболѣвшей женѣ его. Послѣ многократныхъ и рѣшительныхъ отказовъ Кирилловъ, однако, ѣдетъ. Но тутъ оказывается, что мадамъ Абогина въ отсутствіе мужа убѣжала съ любовникомъ. Абогинъ, пораженный и обиженный, начинаетъ жаловаться Кириллову на невѣрную жену, а Кирилловъ, очень справедливо возмущенный этими жалобами, энергически выругиваетъ Абогина за его эгоизмъ (*Враги*). Опять же случай любопытный, но мало вѣроятный. Надо же было въ самомъ дѣлѣ, чтобы мадамъ Абогина рѣшила убѣжать отъ мужа какъ разъ въ ту минуту, когда у Кириллова умиралъ сынъ; надо было, чтобы Абогинъ былъ идіотомъ, не понимающимъ, что

жаловаться на мамуры супруги человѣку, у котораго у самого жестокое горе, значитъ оскорблять его. Если такой случай съ кѣмъ-нибудь и былъ, онъ едва ли еще гдѣ-нибудь и когда-нибудь повторится: это случай отдѣльный, исключительный и вовсе не типичный.

Къ деревенскому огороднику Савкѣ очень льнутъ бабы. Однажды жена стрѣлочника Агафья попросилась навѣстить его вечеркомъ: къ ночи мужъ долженъ былъ воротиться съ поѣздомъ въ деревню. Выпила Агафья у Савки рюмки двѣ водки, да потомъ отъ хмеля да отъ любви и на мужа рукой махнула: блаженствуетъ у Савки на груди. Мужъ вернулся, ищетъ бабы, нѣту бабы. Пошелъ искать ее по деревнѣ. А на разсвѣтѣ она бродомъ черезъ рѣку стала возвращаться въ виду мужа, стоявшаго на другомъ берегу и глядѣвшаго на нее, конечно, съ видомъ, предвѣщавшимъ ужасную расправу (*Агафья*). Оплакиваю неосторожность Агафьи и вижу теперь насколько правы тѣ, что совѣтуютъ воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Но опять-таки случай съ Агафьей совершенно отдѣльный. Всѣ разсказы г. Чехова таковы же, какъ три только что переданные нами. Одни изъ нихъ написаны слабо и какъ то пòшло, какъ *Задача*, другіе, напротивъ, по мастерству и тонкости выполненія не оставляютъ желать ничего лучшаго, какъ *Агафья*, третьи, какъ *Враги*, занимаютъ среднее мѣсто между этими крайностями. Но всѣ они таковы, что каждый въ отдѣльности могъ бы составить эпизодическую страницу, часто очень интересную, въ романѣ, но и только.

Скажутъ, пожалуй, что произведенія г. Чехова, взятыя въ разнообразіи, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ, ихъ сюжетовъ, могутъ дать à la rigueur обширную картину жизни. Но это не такъ. Никогда сотня, или двѣ, или сколько угодно отдѣльныхъ мелкихъ разсказовъ не могутъ дать обширнаго изображенія жизни. Частный

случай всегда останется частнымъ случаемъ; милліонъ частныхъ случаевъ всегда останется только милліономъ частныхъ случаевъ, безпорядочной, разноцвѣтной и разпокалиберной мозаикой безъ рисунка, безъ плана, безъ смысла и безъ чувства, которыхъ мы требуемъ отъ картинъ и въ особенности отъ картинъ жизни. Но если бы оно и было такъ, если бы г. Чеховъ послѣ 20 лѣтъ писательства и успѣлъ состроить изъ своихъ мелочей что-нибудь обширное и даже цѣльное, остается все-таки несомнѣннымъ, что дать широкое, обобщающее произведеніе онъ не можетъ, что талантъ его узокъ, ограниченъ.

Это мы видимъ и на формальной, изобразительной сторонѣ послѣдняго: и она также ограниченна и узка. Есть цѣлая область формъ, красокъ, явленій, куда г. Чеховъ и хотѣлъ бы, можетъ-быть, всей душою хотѣлъ бы проникнуть, но которая, какъ кажется, ему останется навсегда закрытой; это область всего свѣтлаго, яркаго, бодраго, свѣжаго, здороваго. Для выраженія такихъ впечатлѣній у него нѣтъ ни въ душѣ подходящихъ настроеній, ни въ словарѣ его подходящихъ словъ. И онъ придумываетъ странныя сравненія, насильственно оживотворяетъ неживые предметы, очеловѣчиваетъ животныхъ и никогда не передаетъ впечатлѣнія такъ, какъ воспринялъ бы его зритель самъ. „Даль была видна, какъ и днемъ, но ужъ ея нѣжная лиловая окраска, затушеванная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мглѣ, какъ дѣти Моисея Моисенча подъ одѣяломъ“. Степь—какъ дѣти, *во* мглѣ—какъ *подъ* одѣяломъ. „Пахнетъ сѣномъ, высушенной травой и запоздалыми цвѣтами, но запахъ густъ, сладко-пріторенъ и нѣженъ“. Какъ можетъ быть нѣжнымъ густой запахъ, когда густота и нѣжность исключаются взаимно? Это простой наборъ прилагательныхъ именъ. „Тонкой струей бѣжала вода. Она падала на землю, и, прозрач-

ная, веселая, сверкающая на солнцѣ, и тихо ворча, точно воображая себя сильнымъ и бурнымъ потокомъ, быстро бѣжала куда-то влѣво". Струя воображаетъ себя *сильнымъ* и *бурнымъ* потокомъ и поэтому *тихо* ворчитъ. Всѣ эти претензіи на грацію пахнутъ потомъ и натугой. Но въ той же *Степи*, откуда взяты приведенныя выше выписки, вы найдете другія описанія—описанія унылой степной шири, и тотчасъ же, несмотря даже на ихъ выдуманность и искусственность, вы увидите какія именно впечатлѣнія говорятъ внятно душѣ г. Чехова. „Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно". А вотъ нѣсколько строкъ изъ разсказа *Тифъ*. Климовъ, еще больной, узнаетъ, что его сестра умерла, заразившись отъ него тифомъ. Эта новость не произвела на него сначала того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать. „Только спустя недѣлю, когда онъ въ халатишкѣ, поддерживаемый Павломъ, подошелъ къ окну, поглядѣлъ на пасмурное, весеннее небо и прислушался къ непріятному стуку старыхъ рельсовъ, которыя провозили мимо, сердце его сжалось отъ боли, онъ заплакалъ и припалъ лбомъ къ оконной рамѣ. — Какой я несчастный!—забормоталъ онъ.—Боже, какой я несчастный!—И радость уступила свое мѣсто обыденной скукѣ и чувству невозвратимой потери". Выписокъ такого рода можно было бы привести безъ счета. Изъ только что приведенныхъ видно уже, однако, съ достаточною ясностью, какого рода впечатлѣнія г. Чеховъ воспринимаетъ съ особенною точностью и передаетъ съ особенною выразительностью: это, такъ сказать, сѣрыя впечатлѣнія: не отчаяніе, не горе, а безпредметное недовольство, а скука; летитъ коршунъ по поднебесью и

остановился на мигъ,—это онъ задумался о скукѣ жизни; выглянулъ человѣкъ въ окно, увидѣлъ пасмурное небо, услышалъ звуки старыхъ рельсовъ—и радость уступила мѣсто обыденной скукѣ. Наиболѣе сродный природѣ г. Чехова цвѣтъ — сѣрый. Онъ его рѣдко, точнѣе сказать, никогда не сгущаетъ до чернаго, не будучи пессимистомъ, ни даже ипохондрикомъ. Также рѣдко онъ его разрѣжаетъ до ясныхъ цвѣтовъ. Зато онъ несравненный мастеръ рисовать разнообразные оттѣнки сѣраго цвѣта. Вспомните, напримѣръ, дождливые дни въ *Моя жизнь* или скверную погоду, во время которой художникъ Рябовскій царапаетъ ножомъ свою картину, одурѣвъ отъ ненастья (*Попрыгунья*). Вотъ еще выдержки изъ разсказа *Свирѣль*. „Утро было нехорошее, пасмурное. Съ деревьевъ, окутанныхъ легкимъ туманомъ, и съ пожелтѣвшаго папоротника сыпались крупныя брызги, лѣсная сырость издавала острый запахъ гнили“. Пастухъ игралъ на свирѣли. Онъ „бралъ не больше пяти-шести нотъ, лѣниво тянулъ ихъ, не стараясь связать ихъ въ мотивъ, но тѣмъ не менѣе въ его пискѣ слышалось что-то суровое и чрезвычайно-тоскливое“. Подошелъ приказчикъ Мелитонъ; разговорились. Пастухъ указалъ, что все идетъ къ погибели: была дичь, рыба—перевелась, пруды высохли, ручьи тоже, лѣса гибнутъ, да и самъ народъ плошаетъ все больше изъ года въ годъ. И опять заигралъ. „Самыя высокія писклявыя ноты, которыя дрожали и обрывались, казалось, неутѣшно плакали, точно свирѣль была больна и испугана, а самыя низкія ноты, почему-то напоминали туманъ, унылыя деревья, сѣрое небо“. И Мелитону захотѣлось жаловаться. „И жить хуже стало, дѣдъ... Восемь человѣкъ дѣтей, жена... и мать еще живая, а жалованья всего-на всего десять рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Отъ бѣдности жена осатанѣла... Самъ я запоемъ“... И въ видѣ заключительнаго аккорда такое

описаніе погоды: „Чувствовалась близость того несчастнаго, ничѣмъ непредотвратимаго времени, когда поля становятся темны, земля грязна и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнѣе и по стволу ея ползутъ слезы“... Невозможно выпуклѣе и сильнѣе нарисовать безобразное ненастье. Невозможно передать вѣрнѣе дѣйствіе тумана и сырости, въ соединеніи со скверной игрой на свирѣли, на душу человѣка, у котораго дома—жена осатанѣлая отъ бѣдности и восемь человѣкъ дѣтей. И, какъ я сказалъ, по изображенію сѣрыхъ цвѣтовъ г. Чеховъ не знаетъ себѣ равнаго. Но г. Чеховъ не одно только то, что, дѣйствительно, сѣро изображаетъ такъ, что не гладѣлъ бы на Божій свѣтъ. У него во всемъ сѣризна, на все, что онъ изображаетъ, глядѣть не хочется, и не потому не хочетоя, что это некрасиво, или жалко, или тяжело, а потому что это фальшиво-сѣро, необычно-сѣро. Случалось вамъ видѣть затменіе солнца? Если да, вы вспомните, конечно, это странное, холодное освѣщеніе, въ которомъ предметы представляются съ исчезновеніемъ послѣдняго солнечнаго луча. Не сумерки это, потому что сумерки бываютъ теплыя, наступаютъ онѣ постепенно послѣ смѣны цѣлаго ряда, послѣ долгой игры, свѣтовыхъ явленій. А тутъ это наступило мгновенно, что-то дунуло на землю холодомъ и на все легъ какой-то тонкій, совершенно одноцвѣтный и прозрачный сѣрый газъ. Предметы видны съ необычайною отчетливостью, гораздо явственнѣе, чѣмъ при солнцѣ, но они всѣ одноцвѣтны—сѣры. Вотъ то странное, жуткое освѣщеніе, при которомъ люди и вещи представляются въ сочиненіяхъ г. Чехова. Если вы не видѣли затменія солнца, вы видѣли синематографъ. И тамъ тоже предметы очень отчетливы, но и тамъ они одноцвѣтны, и тамъ производятъ то же странное впечатлѣніе, отъ котораго становится какъ-то не по себѣ: ѣдутъ экипажи, конки, дамы съ зонтиками переходятъ улицу,

по тротуарамъ идутъ офицеры, рабочіе, кормилицы съ дѣтьми на рукахъ; повидимому солнечный день, между тѣмъ и экипажи, и конки, и платья, и зонтики дамъ, и мундиры офицеровъ, и одежды рабочихъ, и ленты кормилицъ—все это одного сѣраго цвѣта.

IV.

Какъ въ мірѣ природы г. Чеховъ особенно впечатлителенъ къ сѣрой краскѣ, такъ и въ области человѣческихъ отношеній и чувствъ онъ понимаетъ и изображаетъ только сѣрое, причемъ онъ особенно облюбовываетъ непріятные оттѣнки сѣризны. Такъ г. Чеховъ не сторонится отъ любви и многократно о ней упоминаетъ. Но вы не найдете у него ни одного описанія наслажденія любовью. Пусть она обманчива и пусть за ея лживой личиной кроется близость неминуемыхъ и оскорбительныхъ разочарованій. Но есть же, однако, въ ней моментъ, есть же хоть одинъ короткій моментъ, когда она даетъ то особое, очень сильное и яркое, напряженное до высочайшей степени самочувствіе, которое мы называемъ счастьемъ. И трудно допустить, чтобы г. Чеховъ, который всякіе виды видѣлъ, какъ разъ этого вида и не видалъ, тогда какъ то, напримѣръ, что „при лунномъ свѣтѣ всѣ женскіе глаза кажутся большими и черными“ онъ примѣтилъ. Прочтите въ *Моей жизни* исторію любви Полознева и Маши. Ни на одну минуту, говоритъ ли онъ объ Ажогиныхъ и ихъ борьбѣ съ предразсудками, или объ инженерѣ, или о своей сестрѣ, или о Машѣ, которую онъ „любитъ, страстно любитъ“, Полозневъ не измѣнятъ своего медленнаго, мѣрнаго тона: можно подумать, что для него не существуетъ интонацій радости и горя, не существуетъ большихъ душевныхъ волненій, отражающихся неровностью рѣчи. Зато, какъ и г. Чеховъ, примѣтливый на мелочи, онъ счелъ

нужнымъ упомянуть, что когда онъ въ первый разъ цѣловалъ Машу, онъ оцарапалъ себѣ щеку булавкой ея шляпы,—незабвенная, важная и радостная подробность. У г. Чехова двѣ манеры трактовать любовь. Если любовь счастливая, то она непремѣнно въ прошломъ, т.-е. не изображена, а только указана болѣе или менѣе смутно. Такъ, въ *Скучной исторіи*,—любовь профессора къ его женѣ и любовь Кати къ ея актеру; въ *Ивановѣ*, любовь Сарры къ Иванову; въ *Чайкѣ*—любовь Нины; въ *Моей жизни*, — любовь Полознева; причемъ г. Чеховъ эти счастливыя любви неизмѣнно разбиваетъ. Если же любовь несчастная, то, напротивъ, она всегда въ настоящемъ и обрисована она не смутно, и не мимоходомъ, а, наоборотъ, тщательно и con amore. Можно подумать, что зрѣлище счастья любви или непонятно или непріятно г. Чехову, вслѣдствіе чего онъ или не умѣетъ или не хочетъ его изображать; тогда какъ разбитая или несчастная любовь его чѣмъ-то привлекаетъ. Маша въ *Чайкѣ* любитъ Треплева, Треплевъ—Нину, оба напрасно. Анюта Благово (*Моя жизнь*) любитъ Полознева напрасно. Михаилъ Федоровичъ (въ *Скучной исторіи*) любитъ Катю напрасно. Саша (въ *Ивановѣ*) любитъ Иванова все равно, что напрасно. Войницкій (въ *Дядѣ Ванѣ*) любитъ Серебрякову напрасно. Герой *Разсказа неизвѣстнаго человѣка* любитъ Зинаиду Федоровну напрасно. Иной разъ въ одномъ и томъ же произведеніи встрѣчается и по двѣ пары такихъ несходящихся любовей. Мужъ Маши (въ *Чайкѣ*) ее любитъ, но ею не любимъ. Соня (въ *Дядѣ Ванѣ*) любитъ Астрова, но Астровъ ея не любитъ. Та же самая нераздѣляемая любовь изображена во многихъ мелкихъ разсказахъ (*Вьюрочка*, *Егерь*, *Попрыгунья*, *Агафья*, *Пустой случай*). И это обиліе, и эта роскошь разработки указаннаго сюжета въ виду полнаго отсутствія изображеній счастливой, раздѣленной любви указываютъ на особую склонность г. Чехова къ этому предмету, на

какую-то страсть, съ которой онъ къ нему намѣренно и часто возвращается, или на черту его характера, на свойство его организаціи, закрытой для полныхъ, сильныхъ, красивыхъ и глубокихъ впечатлѣній и чувствъ.

Затѣмъ даже и въ тѣ немногія и короткія минуты, когда любовь того или другого изъ героевъ г. Чехова еще не оскорблена и не разбита, вы никогда не видите передъ собою полной, раздѣленной любви, а только иллюзію ея, переживаемую этимъ героемъ или героиней. Нинѣ кажется, что Тригоринъ ея любитъ. Клеопатрѣ думается, что Владиміръ Благово ей отвѣчаетъ такою же любовью, съ какою ея собственно сердце рвется къ нему. Точно такъ же и Зинаида Федоровна перебирается отъ мужа къ Орлову въ полной увѣренности, что дѣлаетъ послѣднему необыкновенно пріятный сюрпризъ и что Орловъ ее встрѣтитъ восклицаніями восторженныхъ привѣтствій. У читателя же этихъ иллюзій ни на секунду нѣтъ: г. Чеховъ старательно устраняетъ все, что могло бы ихъ произвести; если Нинѣ, Клеопатрѣ, Зинаидѣ Федоровнѣ не видно, что за люди тѣ господа, которыхъ онѣ любятъ, то читателю, напротивъ, это видно очень хорошо: это люди дрянные характеромъ, настолько дрянные, что про нихъ даже нельзя сказать, что они эгоисты: такъ, какая-то трава. И вотъ уже этимъ самымъ въ глазахъ читателя теряется цѣльность впечатлѣнія отъ любви этихъ женщинъ. Мы охотно ихъ пожалѣли бы, но мы видимъ пренебрежительную гримасу г. Чехова: „Охота же этимъ дѣвушкамъ и женщинамъ любить такихъ господъ!“ кажется, говоритъ она. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ славныя, умныя, молодыя женщины, красавицы при этомъ, любятъ омерзительную и самодовольную бездарность въ лицѣ профессора Серебрякова; Зинаида Федоровна не разглядѣла въ Орловѣ, что онъ „обыкновенный чинодралъ, служака, щедринскій герой“, выражаясь его же собственными сло-

вами о себѣ же самомъ (*Разсказъ неизвѣстнаго человѣка*). Г. Чеховъ такъ настойчиво и многократно подчеркиваетъ эту непроницательность Зинаиды Федоровны, что теряешь наконецъ уваженіе къ ея чувству и что готовъ сказать съ раздраженіемъ на нее: да непозволительно же наконецъ доходить въ своихъ иллюзіяхъ до такого смѣшнаго и грубаго ослѣпленія! Точно такъ-же и Клеопатра, въ *Моей жизни* видитъ въ докторѣ Благово лишь умнаго и хорошаго человѣка. Г. Чеховъ, который любитъ очерчивать своихъ героевъ однимъ-двумя штрихами, доводитъ до свѣдѣнія читателя, что у Благово имѣется не менѣе десяти разныхъ костюмовъ, а также и „превосходные галстуки“. Подробность эта, на взглядъ г. Чехова, важна; по отношенію къ Благово она, во всякомъ случаѣ, характерна, такъ какъ очерчиваетъ господина, любящаго одѣвать свою особу въ хорошія и красивыя вещи, а слѣдовательно, и ухаживающаго за ней. Но Клеопатра „была въ восторгѣ отъ его булавокъ, запонокъ и отъ краснаго шелковаго платочка, который онъ, вѣроятно, изъ кокетства держалъ въ переднемъ карманѣ пиджака“. И опять вы раздражены, видя, что эта дѣвушка въ восторгѣ отъ черты, которая могла бы ей дать ключъ къ уразумѣнію нехитраго и ничтожнаго характера доктора; и вамъ хочется сказать ей: дура! или что-нибудь еще болѣе грубое, и опять цѣльность впечатлѣнія отъ ея любви нарушена въ вашихъ глазахъ, нарушена вторженіемъ этой слѣпоты, или близорукости или неуваженія къ себѣ. И самое чувство ея вамъ кажется не такимъ уже свѣтлымъ оттого, что оно направлено на тусклаго и пошлаго господина. Но какъ ни близоруки, слѣпы и лишены чувства своего достоинства эти женщины, какъ ни склонны онѣ, если судить по примѣру Нины, бросаться на шею интереснымъ мужчинамъ,—все же безъ согласія и безъ содѣйствія этихъ послѣднихъ ни у Нины не было бы сына, ни у

Клеопатры—дочери. Что же этихъ интересныхъ мужчинъ-то заставляетъ имѣть ненужныхъ имъ дѣтей отъ женщинъ, которыхъ они потомъ очень спокойно оставляютъ на волю судьбы? Ни Тригоринъ, ни Орловъ, ни Благово не принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ „увлекающихся“ людей: будь они такими, можно было бы найти объясненіе ихъ поступкамъ. Не относятся также они и къ той породѣ похотливыхъ экземпляровъ, которые высматриваютъ болѣе или менѣе наивную женщину, чтобы ее соблазнить: въ данномъ случаѣ это была бы любовь скота, любовь животнаго, но все-таки любовь; у героевъ г. Чехова и этого нѣтъ. Тригоринъ говоритъ Нинѣ: „Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее (молодую дѣвушку), какъ вотъ эту чайку“. Тригоринъ—писатель и любовникъ актрисы. Но эти два занятія не берутъ всего его времени. Остается у него еще досугъ, въ который ему нечего дѣлать: такъ вотъ отъ нечего дѣлать и чтобы заполнить досугъ... Вотъ и докторъ Благово; служилъ онъ въ полку, но рѣшилъ оставить службу и держалъ экзаменъ на доктора медицины. На лѣто онъ пріѣхалъ въ свой городъ, въ провинцію. И у него тоже такимъ образомъ оказалось свободное время; отъ нечего дѣлать и онъ погубилъ случайно попавшуюся ему на глаза дѣвушку. У этихъ господъ нѣтъ ни любви, ни похоти, а только свободное время. И не нужно имъ ни ласкъ, ни страстей, ни даже скотскаго желанія сознавать, что вотъ, дескать, пришелъ, увидѣлъ, погубилъ, а просто между двумя дѣлами они отъ скуки соблазняютъ дѣвицъ. Сдѣлалъ ребенка и вернулся къ обычнымъ занятіямъ. Такъ это представляется у г. Чехова. На самомъ же дѣлѣ оно, можетъ-быть, и не такъ. Взять хоть бы доктора Благово. У него уже была своя семья—жена и трое дѣтей; женился онъ рано, когда еще былъ на второмъ курсѣ,

и теперь въ городѣ разсказывали про него, что онъ несчастливъ въ семейной жизни и уже не живетъ съ женой. Очень можетъ быть, поэтому, что онъ искренно искалъ счастья въ любви къ Клеопатрѣ Полозневой и нашелъ его. Можетъ быть также, что не такой ужъ онъ пустой человѣкъ. Въ концѣ концовъ, что̀ противъ него можно сказать: что у него десять костюмовъ и что онъ всякій разговоръ норовитъ свести на споръ? Ну, это еще не такіе ужъ тяжкіе грѣхи. Своей манерой очерчивать характеры однимъ-двумя штрихами—манерой, восхищающей очень многихъ, но присущей только поверхностнымъ и узкимъ дарованіямъ—г. Чеховъ достигаетъ того, что всегда выставляетъ своего героя въ нужномъ ему свѣтѣ, но въ большей части случаевъ невозможно сказать, что за человѣкъ этотъ его герой. Полозневъ говоритъ про доктора: „Было ясно, что онъ попрежнему любитъ мою сестру, но онъ ни разу даже въ шутку не сказалъ, что возьметъ ее съ собою въ Петербургъ или за границу, и я не могъ себѣ ясно представить, что будетъ съ нею, если она останется жива, что̀ будетъ съ ея ребенкомъ“. Что же это? Либо дождикъ, либо снѣгъ, либо любитъ, либо нѣтъ. Ясно, говоритъ Полозневъ, что онъ „попрежнему любитъ“, между тѣмъ онъ бросаетъ на него своими словами какую-то тѣнь. Это совершенно въ духѣ г. Чехова—ослаблять, уменьшать, искажать первоначальное впечатлѣніе. Между тѣмъ, если разобрать, то были свои причины, почему Благово не думалъ о томъ, чтобы взять Клеопатру съ собой: она была въ чахоткѣ и положеніе ея было безнадежно. „Грустно, грустно,—говорилъ онъ, и слезы текли у него по щекамъ.—Она весела, постоянно смѣется, надѣется, а положеніе ея безнадежно, голубчикъ“. Значитъ, и не равнодушный человѣкъ Благово. Его любовь къ Клеопатрѣ, по всей вѣроятности, не лишена была тѣхъ прелестныхъ мгновеній, какія не вся-

кій испытываетъ и не всякій даетъ, но которыя Благово и испытывалъ, и давалъ, потому что Клеопатра, благодарная, „говорила, что пусть онъ ѣдетъ, куда хочетъ, и пусть даже броситъ ее, лишь бы самъ былъ счастливъ, а съ нея довольно и того, что было“. Однако, г. Чеховъ и тѣмъ, что эти мгновенья скрылъ, и тѣмъ, что то отзывами Полознева, то сужденіемъ Рѣдьки (хозяина Полознева) бросаетъ разныя тѣни на Благово,—г. Чеховъ выставляетъ его этимъ всѣмъ въ неполномъ, намѣренно-скудномъ свѣтѣ. Да и не въ Благово тутъ дѣло вовсе. Дѣльный или легкомысленный, человѣчный или себялюбивый, онъ самъ по себѣ во всякомъ случаѣ не интересенъ. Интересно для характеристики г. Чехова то, что онъ этими пріемами самое чувство любви представляетъ предумышленно фальшиво. Когда вамъ говорятъ, что такой-то поборникъ благородныхъ идей въ частной жизни дрянной человѣкъ или предается тайнымъ порокамъ, то это въ вашихъ глазахъ пачкаетъ какъ-то и самыя эти идеи, хотя, конечно, одно съ другимъ ничѣмъ не связано. Такъ и въ интересующемъ насъ случаѣ. Любовь есть и останется прекраснымъ, лучезарнымъ эпизодомъ въ жизни каждаго, кто ее испыталъ и чѣмъ-то очень желаннымъ для тѣхъ, кто не зналъ ея еще. Но когда вы видите, что на вашихъ глазахъ ее продѣлываютъ ничего не стоящіе мужчины—и женщины, которыя глупо любятъ этихъ мужчинъ, то и сама любовь вамъ кажется чѣмъ-то непріятнымъ и почти противнымъ, во всякомъ случаѣ унылымъ, убогимъ и сѣрымъ. Г. Чеховъ не хочетъ допустить, чтобы хорошая женщина любила порядочнаго человѣка. Если мужчина—хорошій человѣкъ, какъ этотъ Дымовъ, отъ котораго, впрочемъ, несетъ фальшью на пушечный выстрѣлъ, то онъ любитъ не иначе, какъ пошлую бабенку. А если ненарокомъ и женщина попадется славная, и мужчина—симпатичный человѣкъ, какъ Маша

и Треплевъ въ *Чайкѣ*, то чувство мужчины будетъ обращено на другую, а любовь женщины г. Чеховъ обольетъ водкой и посыплетъ нюхательнымъ табакомъ.

V.

О любви я говорилъ потому, что, какъ извѣстно, чувство это очень распространенное и въ общежитіи и, какъ сюжетъ, въ поэзіи и въ искусствѣ. На примѣрѣ любви было всего удобнѣе показать поэтому странное свойство души г. Чехова сжиматься и запираться отъ прикосновенія яркихъ, громкихъ, цѣльныхъ и энергическихъ впечатлѣній и пропускать въ себя и воспринимать только то, что ослаблено, вяло и не требуетъ усилій. У г. Чехова въ душѣ есть, можно подумать, такая машинка, которая, по какому-то странному побужденію натуры этого писателя, передѣлываетъ большія и сильныя впечатлѣнія и чувства въ малыя и вялыя, къ какой бы категоріи отношеній и жизни они ни относились. Возьмите, напримѣръ, Тригорина. Это писатель, котораго Треплевъ называетъ изъ ревниваго чувства „солнцемъ“. Аркадина говоритъ о немъ Нинѣ какъ о „знаменитости“. Сама Нина читала его разсказы, нашла ихъ „чудесными“ и влюбилась въ его славу прежде, чѣмъ въ него самого. Узнавъ отъ Тригорина, что его „манитъ“ къ Нинѣ, Аркадина начинаетъ его отманивать отъ нея при помощи такихъ фразъ, какъ „ты такой талантливый, умный, лучшій изъ всѣхъ теперешнихъ писателей, ты единственная надежда Россіи“... Далѣе, еще до того, какъ Треплевъ имѣлъ поводъ ревновать къ Тригорину Нину, онъ характеризовалъ его слѣдующими словами: „Сорокъ лѣтъ будетъ ему еще не скоро, но онъ уже знаменитъ и сытъ по горло... Что касается его писаній, то... мило, талантливо... но послѣ Толстого или Зола не захочешь читать

Тригорина". Наконецъ, какъ мы видѣли, и самъ Тригоринъ, передавая въ кокетливо-горькихъ словахъ общее мнѣніе о немъ, сказалъ Нинѣ: „Какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: „Здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева". Если предположить, что въ своей наглой лести Аркадина преувеличила размѣры таланта Тригорина, то, съ другой стороны, въ своемъ недружелюбномъ отзывѣ самолюбивый Треплевъ, конечно, уменьшилъ ихъ; во всякомъ случаѣ изо всѣхъ этихъ характеристикъ слѣдуетъ несомнѣнно то, что Тригоринъ не замухрышка какой-нибудь, а дѣйствительно очень талантливый человѣкъ. Но если смотрѣть на него, какъ на характеръ, то онъ не болѣе, какъ замухрышка, ничтожество, дрянь. Въ этомъ контрастѣ нѣтъ ничего ни новаго, ни удивительнаго. Мы давно знаемъ, что большой талантъ можетъ гнѣздиться въ рыхлой душонкѣ. Мы давно знаемъ, что пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ и можетъ даже удить рыбу и играть въ домино, что̀ такъ удивляло молоденькую и наивную Нину. Мы давно знаемъ, что̀ узнала и Нина, что, пока и поскольку поэтъ не творитъ, онъ можетъ быть ничтожнымъ человѣкомъ и даже что межъ дѣтей ничтожныхъ міра быть-можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ. Но, думали мы, лишь божественный глаголъ до уха чуткаго коснется, душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ. И мы были увѣрены, что пока длится это пробужденіе, поэтъ переживаетъ необыкновенно прекрасныя минуты. Наплывъ силъ, повелительный, нетерпѣливый, страстный, наполняетъ все его существо и вмѣстѣ съ тѣмъ рвется наружу и до боли требуетъ выхода: „Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй! Вотъ лира золотая... Скорѣй, пѣвецъ, къ струнамъ, иль надорвется грудь отъ муки!" И мы думали,

что въ эти исключительные моменты, онъ видитъ волшебныя зрѣлища, недоступныя намъ, и за эти видѣнія, отпечатокъ которыхъ мы замѣчали на его *особенномъ* лицѣ и которыя мы улавливали въ его вдругъ заволакивавшихся мечтою глазахъ, за эти видѣнія мы его, можетъ-быть, еще болѣе цѣнили, чѣмъ за картины, которыя онъ намъ рисовалъ, и чѣмъ за его пѣсни, и ради нихъ мы смотрѣли на него глазами завистливаго, но безкорыстнаго удивленія, какъ смотритъ обыватель далекаго губернскаго города на своего согражданина, пожившаго за границей, видавшаго восхитительное небо Италіи и Греціи и ихъ душистыя ночи, изумрудныя воды Средиземнаго моря, горячее солнце французскаго юга, когда-то славныя мостовыя Парижа, старинные, романтическіе кварталы нѣмецкихъ городовъ, и какъ бы принесшаго въ складкахъ своей одежды и въ звукахъ своего голоса ароматъ этихъ отдаленныхъ и благоуханныхъ странъ и отзвуки этихъ чудныхъ городовъ, которыхъ онъ самъ, обыватель, никогда не увидитъ. И мы догадывались, что въ этой порѣ созиданія, въ этомъ процессѣ творчества не одни наслажденія и радости, но что есть въ немъ, какъ и въ беременности и родахъ, съ которыми его не разъ сравнивали, нестерпимыя боли и муки. „Я, когда начну писать, перестаю и спать, и ѣсть“, говорилъ о себѣ одинъ великій русскій поэтъ. Но какъ каждая дѣвушка боится безплоднаго дѣвства и какъ каждая женщина хочетъ быть матерью, несмотря на изнурительные мѣсяцы беременности и на ужасныя страданія родовъ, каждый человѣкъ, обладающій дарованіемъ, боится, что оно останется безплоднымъ и свои муки творчества предпочитаетъ безболѣзненной дѣятельности другихъ людей, въ томъ числѣ даже и государственныхъ. И въ этихъ мукахъ его опять-таки мы видимъ что-то особенное, ему одному свойственное и подлинное, неподдѣльное. Мы знаемъ, что карьеру

инженера, губернатора можно, даже при ничтожныхъ качествахъ ума, сдѣлать чрезъ женщинъ, чрезъ подлость, чрезъ пролазничество, тогда какъ чтобы поэтомъ быть, нужно быть именно поэтомъ. И все это окружаетъ поэта и художника въ нашихъ глазахъ особымъ ореоломъ, и мы видимъ въ дѣятельности его духа, въ его творчествѣ, какой-то высокій и таинственный для насъ процессъ, который мы называемъ словомъ: вдохновеніе. Нужно было явиться г. Чехову, чтобы мы узнали, что, вопреки нашему мнѣнію, этотъ высокій и таинственный процессъ представляетъ что-то грубое, будничное, нисколько не таинственное и гораздо, гораздо менѣе мучительное, чѣмъ просто надоѣдливое, неотвязное и даже дикое. Тригоринъ объясняетъ намъ это въ слѣдующихъ обстоятельныхъ словахъ: „Бываютъ насильственныя представленія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую... Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь!.. Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или удить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться, анъ—нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро—новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо спѣшить опять писать и писать. И такъ всегда, всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя“... Конечно, есть и такіе господа писатели, которые пишутъ на перекладныхъ; напишетъ, бѣжитъ удить рыбу, а тутъ ужъ новое чугунное ядро у него въ головѣ; и собственно говоря, кому же интересно, что происходитъ въ головѣ такого господина писателя, кому интересенъ онъ самъ, ничтожный не только какъ част-

ный человѣкъ, но, очевидно, и какъ художникъ, у котораго не образы толпятся въ головѣ, облагораживая его ничтожность, а чугунныя ядра ворочаются, не мысли осаждаютъ его неотступно и терзаютъ, пока не выльются потокомъ на бумагу, а какіе-то сюжеты мѣшаютъ ему удить рыбу, и онъ „долженъ“ писать „почему-то“. Конечно, есть и такіе, но для г. Чехова характеристично, именно, что онъ взялъ такого и, подъ видомъ творчества вообще, показалъ намъ мелочную и безразличную для насъ возню въ головѣ какого-то Тригорина. Говорю: *подъ видомъ творчества* потому, что, прошу замѣтить, этотъ Тригоринъ, и по отзывамъ различныхъ людей и по своему собственному сужденію, можетъ имѣть претензіи на какое-то сосѣдство съ Толстымъ, съ Зола, съ Тургеневымъ, то-есть, что, говоря о немъ, все-таки стало-быть говоришь о талантливомъ, повидимому, художникѣ и значитъ о творчествѣ. Но это его творчество г. Чеховъ свелъ на что-то до такой степени постылое и сѣрое, что Тригоринъ даже не понимаетъ чужихъ рѣчей объ этомъ и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго?“ Однако, откуда-нибудь да взялось у людей представленіе о творчествѣ какъ о чемъ-то прекрасномъ и свѣтломъ? Таково оно и есть. Только г. Чеховъ никакъ не можетъ согласиться, чтобы кто-нибудь обладалъ прекраснымъ и свѣтлымъ даромъ, какъ творчество, или прекраснымъ и свѣтлымъ чувствомъ, какъ любовь. И какъ въ предыдущихъ примѣрахъ любовь, такъ въ занимающемъ теперь насъ случаѣ творчество онъ обрисовалъ не присущей имъ горячей и сверкающей краской, а своею собственной, имѣющейся у него въ изумляющемъ изобиліи, замазкой

VI.

Эту басню мы еще и болѣ поясним, потому что очень ужъ интересна эта басня. О г. Чеховѣ было неодно-

кратно замѣчено, что онъ любитъ изображать неудачниковъ; это совершенно невѣрно. Напротивъ, я не могу припомнить у г. Чехова рѣшительно ни одного неудачника, ни одной неудачницы, если исключить неудачи въ любви, претерпѣваемыя въ одинаковой степени и удачливыми и неудачливыми людьми. Что такое неудачникъ? Человѣкъ, который къ чему-нибудь стремился, дѣлалъ, что считалъ нужнымъ для осуществленія своихъ цѣлей, но ихъ по разнымъ причинамъ не осуществилъ? Да, но съ условіемъ, что онъ дѣлалъ подобныя попытки съ тѣми же цѣлями или съ другими нѣсколько разъ. Неудачника характеризуетъ многократность начинаній, прерываемыхъ каждый разъ неуспѣхомъ. Если человѣкъ затѣялъ дѣло, которое провалилось, это еще не значитъ, что онъ неудачникъ; другое дѣло, потомъ третье дѣло онъ можетъ благополучно окончить. Но если онъ перепробовалъ нѣсколько предпріятій, и всѣ пошли прахомъ, это значитъ, что ему, дѣйствительно, удачи нѣтъ. Затѣмъ, неудачникъ почти никогда не начинаетъ того же самаго дѣла по нѣскольку разъ, что помогло бы ему, при сознаніи допущенныхъ ранѣе ошибокъ, довести его все-таки рано или поздно если не до желаемаго конца, то по крайней мѣрѣ до извѣстной степени исполненія, и что̀ дало бы ему въ результатѣ хоть то удовлетвореніе, которое остается отъ послѣдовательныхъ и настойчивыхъ усилій, направленныхъ неуклонно къ одной, ясно сознанной, цѣли. Неудачникъ берется послѣ одного дѣла за другое, новое; для этого новаго дѣла ему требуются новыя знанія; чѣмъ дальше онъ живетъ, тѣмъ труднѣе знанія эти пріобрѣтаются; слабѣетъ съ каждымъ разомъ и энергія почина; при такихъ условіяхъ и неудачи становятся неминуемы. Наиболѣе трагическій типъ неудачника— Дмитрій Рудинъ. Но его неудача была роковая и единственная въ своемъ родѣ. Съ огромнымъ даромъ слова,

съ умѣньемъ жечь сердца людей, онъ родился въ странѣ, гдѣ краснорѣчію нѣтъ мѣста: вотъ его ужасающій удѣлъ. И этотъ несравненный ораторъ, этотъ необычайный зодчій увлекательныхъ міровъ, этотъ колоссъ чувства и таланта, который одной лишь искрой, брошенной въ сердце дѣвушки, озарилъ затѣмъ ея существованіе на всю ея жизнь,—этотъ изъ ряда вонъ выдающійся человѣкъ долженъ былъ заниматься какими-то дикими хозяйственно-промышленными предпріятіями: что̀ удивительнаго, если онъ терпѣлъ въ нихъ неудачи?— И, однако, развѣ онъ превратился въ плаксу, въ отвратительнаго нытика, противнаго, наконецъ самому себѣ? Нѣтъ, мы видимъ, какъ онъ умираетъ: такъ же прекрасно, какъ прекрасна была его высокая природа.

Герои г. Чехова не неудачники, т.-е. не люди, чего-то все еще желающіе, на что-то все еще надѣющіеся, несмотря на неудачи, обладающіе все же какой-нибудь энергіей, хотя безпорядочной, разбросанной и неупорной. Нѣтъ, герои г. Чехова—совсѣмъ другого сорта. Это люди съ разбитымъ существованіемъ, разбитымъ, замѣтьте, не жизнью, а г. Чеховымъ собственноручно. Не хотѣлъ бы я попасть въ руки г. Чехову! Ни полъ, ни возрастъ, ни общественное положеніе, ни талантъ, ни умъ, ни чины, ни сила, ни вѣра, никто и ничто не находитъ себѣ пощады предъ маніей разрушенія г. Чехова. Старый профессоръ въ *Скучной Исторіи*, медицинская знаменитость, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ многихъ орденовъ, человѣкъ за 60 лѣтъ,— и ужъ онъ скоро умретъ; могъ бы ему-то хоть г. Чеховъ дать умереть спокойно; такъ нѣтъ, за какія-нибудь шесть мѣсяцевъ до смерти профессора г. Чеховъ и въ его жизни дѣлаетъ зачѣмъ-то внезапный и болѣзненный надломъ. Рядомъ съ профессоромъ существуетъ очень молодая женщина Катя,—ей г. Чеховъ жизнь сломалъ къ двадцати годамъ. Рядомъ съ Катей есть другой

профессоръ: ему 50 лѣтъ и онъ безнадежно любитъ Катю, а вы знаете, чѣмъ это пахнетъ у г. Чехова. Дядѣ Ванѣ отъ роду 47 лѣтъ, а Иванову 35, Полозневу же 25—26, въ тѣхъ же годахъ и Треплевъ, а Нина моложе его. 26 лѣтъ было и Никитину *(Учитель словесности)*, когда его увидѣлъ г. Чеховъ; малый былъ веселый, здоровый, обезпеченный, счастливый, недавно женился, ничего не думалъ, не гадалъ—трахъ! Увидѣлъ его г. Чеховъ, и сейчасъ же ему испортилъ жизнь. Не пожалѣлъ онъ даже семнадцатилѣтняго мальчика *(Володя)*, котораго заставилъ застрѣлиться. И сколько народу перегубилъ такимъ образомъ г. Чеховъ за свою плодотворную дѣятельность—уму непостижимо! Это наболѣе убійственный изъ русскихъ писателей.

И уже это одно, т.-е. то, что не жизнь, а самъ г. Чеховъ истребляетъ своихъ героевъ,—снимаетъ съ нихъ маску неудачниковъ, интересную и трогательную для чувствительныхъ сердецъ. Взглянемъ еще разъ на работу г. Чехова. Возьмемъ стараго профессора изъ *Скучной исторіи*. Это человѣкъ извѣстный всему грамотному міру въ Россіи и знаменитый за границей. Это ученый съ самостоятельною мыслью, сдѣлавшій открытіе, двинувшій науку, настоящій ученый съ ногъ до головы со всѣми свойствами ученаго. Такъ, „судьбы костнаго мозга интересуютъ его больше, чѣмъ конечная цѣль мірозданія“; какъ въ молодости, такъ и на склонѣ жизни, „меня интересуетъ одна только наука“, говоритъ онъ. „Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею человѣкъ побѣдитъ природу и себя“. Вотъ очень стройное и послѣдовательное воззрѣніе настоящаго ученаго. Подъ конецъ, любимыя его воспоминанія относились къ тому времени, когда онъ „учился въ семинаріи и

мечталъ поступить въ университетъ". При этомъ чувство счастья ему „вдругъ наполняло не только грудь, но даже животъ, ноги, руки". И въ этомъ уже сказался въ молодости истый ученый. Мимоходомъ сказать, у тогдашняго молодого человѣка счастья было много и помимо науки: онъ „любилъ, женился по страстной любви"; но это двойное счастье мы видимъ сквозь тоскливое настроеніе профессора, происходящее отъ его болѣзни, и счастье это представляется намъ какимъ-то унылымъ, и мы ему какъ-то не вѣримъ; будь иначе, то и г. Чеховъ не былъ бы г. Чеховымъ. Но это мимоходомъ. При тѣхъ данныхъ, которыя мы видимъ, профессоръ имѣлъ всѣ шансы прожить сознательную и полезную жизнь и умереть съ чувствомъ заслуженнаго удовлетворенія. Что касается его жизни, оно такъ и было. „Тридцать лѣтъ я былъ любимымъ профессоромъ, имѣлъ превосходныхъ товарищей, пользовался почетною извѣстностью... Однимъ словомъ, если оглянуться назадъ, то вся моя жизнь представляется мнѣ красивой, талантливо сдѣланной композиціей. Теперь мнѣ остается только не испортить финала". Благодаря г. Чехову, онъ его портитъ. Профессоръ боленъ и чувствуетъ, что протянетъ самое большее еще полгода. Но онъ не лежитъ; напротивъ, онъ продолжаетъ ходить въ университетъ, въ гости къ Катѣ и всюду куда ему нужно. Для близкихъ видно только, что настроеніе его измѣнилось; а оно въ самомъ дѣлѣ измѣнилось: онъ сталъ легко раздражаться, злиться и сталъ смотрѣть какъ-то вдругъ иначе на все. Жену свою, прежнюю „тоненькую Варю", онъ видитъ въ формѣ „сырой, неуклюжей старухи"; своимъ сыномъ и дочерью онъ очень недоволенъ, холоденъ и почти враждебенъ къ нимъ, хотя они не больше, но и не меньше, чѣмъ обыкновенные люди. А главное, говоритъ онъ, „новыя мысли, какихъ не зналъ я раньше, отравили мнѣ послѣдніе

дни моей жизни и продолжаютъ жалить мой мозгъ, какъ москиты". „Что же это значитъ? Если новыя мысли и новыя чувства произошли отъ перемѣны убѣжденій, то откуда могла взяться такая перемѣна? Развѣ міръ сталъ хуже, а я лучше, или раньше я былъ слѣпъ и равнодушенъ? Если же эта перемѣна произошла отъ общаго упадка физическихъ и умственныхъ силъ, то положеніе мое жалко: значитъ мои новыя мысли ненормальны, нездоровы, я долженъ стыдиться ихъ и считать ничтожными". Новыя чувства профессора таковы: раньше „я никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво... и такое мое отношеніе къ людямъ, я знаю воспитывало всѣхъ, кому приходилось быть около меня". Теперь же „я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь". Что касается новыхъ мыслей, опредѣлить ихъ труднѣе. Раньше профессоръ имѣлъ свои мнѣнія о театрѣ, о новой русской литературѣ, о студентахъ и проч.,—мысли иныя умныя, иныя нѣтъ, иныя вѣрныя, иныя нѣтъ. Теперь оказывается, что „въ моемъ пристрастіи къ наукѣ... во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связало бы все это въ одно цѣлое... Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка... При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья"... „Отсутствіе того, что товарищи-философы

называютъ общей идеей, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью, на закатѣ своихъ дней"...

Попробуемъ распутать этотъ клубокъ разнорѣчивыхъ и странныхъ данныхъ.

Прежде всего, если допустить, что дѣйствительно въ жизни профессора, въ его мысляхъ, чувствахъ, поступкахъ не было общей идеи, то отмѣтимъ, что во всей Россійской имперіи, а также и въ западной Европѣ нѣтъ ни одного человѣка, у котораго *всѣ* мнѣнія и чувства, и поступки исходили бы изъ общей идеи, какъ радіусы изъ центра. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы все ему было извѣстно въ одинаковой степени. Если онъ хоть одно что-нибудь знаетъ основательно, такъ и то ужъ хорошо; и если мнѣніе его о данномъ частномъ фактѣ, о данномъ явленіи, вещи будетъ стоять особнякомъ отъ системы его сужденій о близко знакомомъ ему дѣлѣ, то въ этомъ не только ничего удивительнаго нѣтъ, но иначе оно и быть не можетъ. Сплошь и рядомъ люди совершенно одинаковыхъ воззрѣній въ наукѣ или философіи расходятся радикально во взглядахъ на общественныя дѣла, и люди однихъ и тѣхъ же убѣжденій относительно общественныхъ вопросовъ несогласны въ понятіяхъ о музыкѣ, напримѣръ. Это показываетъ, что руководящая идея ихъ жизни не подчиняетъ и не подчиняется второстепеннымъ для нихъ интересамъ, не связана съ ними, не связываетъ ихъ между собою. Но профессоръ немножко клевещетъ на себя, если говоритъ, что въ его жизни не было общей идеи: а эта вѣра въ науку, что она „самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви?" Всѣ мнѣнія профессора, которыя онъ излагаетъ въ своей очень скучной исторіи, находятся въ органической связи и въ гармоніи съ этой общею идеей. „Студентъ, настроеніе котораго въ боль-

шинствѣ создается обстановкой, на каждомъ шагу, тамъ, гдѣ онъ учится, долженъ видѣть передъ собою только высокое, сильное и изящное". „Сантиментальную и довѣрчивую толпу можно убѣдить въ томъ, что театръ въ настоящемъ его видѣ есть школа. Но кто знакомъ со школой въ истинномъ ея смыслѣ, того на эту удочку не поймаешь". Такъ разсуждаетъ человѣкъ, привыкшій думать въ извѣстномъ направленіи и въ предѣлахъ извѣстнаго строя явленій и прикидывающій невольно факты чуждыхъ ему областей—воспитанія, искусства—къ инстинктивно-сродной ему мѣркѣ,—любимому дѣлу. Эта же общая идея, въ связи, конечно, съ его темпераментомъ, опредѣляла и его чувства, и его отношеніе къ людямъ: „Никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво... презиралъ деньги... ненавидѣлъ насиліе и произволъ", и какъ онъ говоритъ, это отношеніе его къ людямъ, воспитывало всѣхъ, кому приходилось быть около него. Чего же еще? Что же онъ понимаетъ подъ общей идеей, будто бы недостававшей ему? Но вмѣстѣ съ тѣмъ это человѣкъ, „котораго судьбы костнаго мозга интересуютъ больше, чѣмъ конечная цѣль мірозданія". Онъ не былъ бы ученымъ, если бы не относился такимъ образомъ къ своему дѣлу. Теперь я васъ спрашиваю: воображаете вы себѣ человѣка, дѣлавшаго въ продолженіе 42 лѣтъ неуклонно и неустанно одно и то же дѣло, требовавшее неослабнаго сосредоточенія умственныхъ силъ на этомъ одномъ дѣлѣ,—человѣка до такой степени проникшагося и, такъ сказать, пропитавшагося „судьбами костнаго мозга", что, вслѣдствіе долгой привычки, всѣ его взгляды, понятія, мысли и даже случайныя соображенія о чуждыхъ ему вещахъ располагаются, какъ вокругъ магнитной линіи, около этого стержня его міросозерцанія,—воображаете вы себѣ такого человѣка соображающимъ въ виду предвидимой близкой смерти, что ему

недоставало какой-то „общей идеи“, при чемъ онъ даже не говоритъ, что̀ онъ понимаетъ подъ этими словами, религіозное вѣрованіе или что-нибудь другое? Случается такъ, что люди, умственная дѣятельность которыхъ не сосредоточена на чемъ-нибудь исключительно, наталкиваются на строй мыслей, незнакомый имъ раньше. Бываетъ также, что людей, ведущихъ жизнь болѣе или менѣе разнообразную, какое-нибудь внѣшнее обстоятельство, въ родѣ случайной встрѣчи, наводитъ на новыя для нихъ мысли. Но профессоръ не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ категорій. Онъ самъ недоумѣваетъ, откуда съ нимъ это. Но допустимъ, что съ нимъ это случилось—въ концѣ концовъ не влѣзешь въ черепъ къ больному человѣку, чтобъ посмотрѣть, какъ тамъ и что. Однако, что же ему собственно нужно? „Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертью меня интересуетъ одна только наука“, говоритъ онъ. „Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка“... Не у всякаго ученаго имѣется такая крѣпкая вѣра въ свое дѣло. И вмѣстѣ съ тѣмъ при отсутствіи этой таинственной „общей идеи“ оказывается, что даже вліянія обстоятельствъ и людей достаточно было, „чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья“. Какъ же? Значитъ и наука, составлявшая если не все міровоззрѣніе профессора, не всего профессора, то часть его большую,—какъ? значитъ и эта наука, вѣра въ которую, по его словамъ, оставитъ его лишь съ его послѣднимъ вздохомъ,—и эта наука пошла вверхъ дномъ въ тартарары и разлетѣлась въ клочья? Какъ примирить это противорѣчіе? Одно изъ двухъ: или міровоззрѣніе разбивается, а съ нимъ и вѣра въ науку, или же вѣра въ науку остается до послѣдняго издыханія,

а съ нею остается цѣлой и существеннѣйшая часть міровоззрѣнія профессора. Предположить, что у старика начинается, какъ это часто бываетъ въ виду приближающейся смерти, безсознательная тяга къ мистицизму, мы тоже не имѣемъ основанія. „Казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробныхъ потемкахъ и о тѣхъ видѣніяхъ, которыя посѣтятъ мой могильный сонъ. Но почему-то душа моя не хочетъ знать этихъ вопросовъ, хотя умъ и сознаетъ всю ихъ важность. Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертью меня интересуетъ одна только наука". Значитъ не то. И откуда-то у этого профессора берется слѣдующая странная мысль, которая была бы трагической, если бы не была фальшивой: „все гадко, не для чего жить, а тѣ 62 года, которые уже прожиты, слѣдуетъ считать пропащими". Это говоритъ не Фаустъ, который все постигъ, во все проникъ, но не извѣдалъ отъ этого наслажденія, а современный ученый, который многое постигъ и во многое проникъ, который сознательно дѣлалъ полезное, прекрасное, важное и „самое нужное для человѣка" дѣло и никогда ни на минуту не разочаровывался въ немъ, который любилъ, котораго любили, который испыталъ счастье, дружбу, славу, почетъ, радость передавать свою мысль послѣдовательнымъ поколѣніямъ молодыхъ людей при посредствѣ живого общенія съ ними, и не пресытился всѣмъ этимъ: откуда же эта дикая мысль, что 62 года его жизни нужно считать пропащими? Почему пропащими? Потому что ему недоставало „общей идеи"? Но, ставя этотъ вопросъ, мы возвращаемся къ исходному пункту нашего анализа и, какъ часто бываетъ, когда хочешь распутать запутанныя нитки, что тянешь одну изъ нихъ и думаешь, что вотъ-вотъ ухватишь конецъ, но потомъ видишь, что никогда этого не кончишь и что лучше нитку перерѣзать, такъ и тутъ яснаго мы

ничего не добьемся и потому оборвемъ нить этихъ разсужденій.

Дѣло просто въ томъ, что все это неправдоподобно, фальшиво. Неправдоподобно то, что человѣкъ, вполнѣ довольный своей счастливо сложившейся жизнью, похожей на „талантливо исполненную композицію“, вдругъ говоритъ, что его 62 года—пропащіе годы; неправдоподобно то, что человѣкъ, пріучившій умъ сорокалѣтнею работою къ ясному, трезвому, точному мышленію, находитъ его вдругъ засореннымъ туманными и тусклыми обрывками какихъ-то неясныхъ мыслей; неправдоподобно то, что человѣкъ, всѣ мысли, соображенія и поступки котораго гармонически обусловливались руководящей страстью или мыслью его жизни, находитъ подъ конецъ, что его мнѣнія о театрѣ, объ искусствѣ, литературѣ, воспитаніи, не связаны ничѣмъ общимъ; неправдоподобно то, что человѣкъ, до конца дней своихъ, до послѣдняго издыханія сохранившій интересъ къ наукѣ и „только къ наукѣ“ и опредѣлившій свою вѣру въ нее въ выраженіяхъ истиннаго пафоса, находитъ незадолго до конца свое міровоззрѣніе перевернутымъ вверхъ дномъ и разлетѣвшимся въ клочья. И потому это все неправдоподобно, фальшиво, что все это придумано нарочно, насильно подогнано. Профессору предопредѣлено было свыше прожить $62^1/_2$ года. Изъ нихъ 62 онъ прожилъ другимъ на удивленіе, себѣ въ удовольствіе. По логикѣ умственныхъ привычекъ и нравственныхъ чувствъ все предвѣщало, что и остальныя полгода будутъ въ соотвѣтствіи съ прежними. Но тогда онъ явилъ бы собою примѣръ цѣльнаго, не изломаннаго существованія. А такого зрѣлища г. Чеховъ по природѣ своей вынести не можетъ. И онъ „портитъ финалъ“ профессору, къ „талантливо сдѣланной композиціи“ онъ приставляетъ рѣжущій ухо фальшью конецъ.

VII.

Будь профессоръ изъ *Скучной исторіи* одинъ въ своемъ родѣ въ сочиненіяхъ г. Чехова, о послѣднемъ можно бы еще подумать и то, и се. Но на ряду съ профессоромъ есть у нашего автора и другія фигуры такого же рода, и волей-неволей приходишь къ мысли, что онѣ между собою связаны если не „общей идеей, которую можно назвать богомъ живого человѣка“, то такою, которая очень походитъ на чорта живого человѣка.

Не то, чтобы г. Чеховъ былъ пессимистъ, о, нѣтъ! Но онъ, кажется, немножко маніакъ и страдаетъ или, лучше сказать, наслаждается оборотной стороной маніи величія. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что человѣкъ безразсудно возвышаетъ себя надъ другими. Пріятная манія г. Чехова заключается въ приниженіи другихъ такомъ же безразсудномъ. Маніакъ величія допускаетъ охотно существованіе людей и геніальныхъ, и прекрасныхъ: его гордость сознанія, что онъ выше ихъ, отъ этого бываетъ лишь острѣе. Самолюбивая манія г. Чехова не мирится съ существованіемъ даже просто талантливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошихъ людей. Такъ въ той же *Скучной исторіи* есть нѣкая Катя. Г. Чехову было мало, что ее обольстилъ, обобралъ и бросилъ какой-то актеръ, но ему еще нужно было, чтобы она убѣдилась, что ея страсть къ театру была лишь пустоцвѣтъ, что у нея нѣтъ таланта. А Катя хорошій человѣкъ. Хорошій человѣкъ, такъ таланта нѣтъ. У Тригорина есть талантъ, такъ человѣкъ дрянный. Такъ оно одно на одно и выходитъ—все подъ одну мѣрку. Или, какъ говоритъ старый профессоръ въ *Скучной исторіи* о новѣйшей русской литературѣ: „умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно, или, наконецъ, талантливо, умно, но не благородно“.

Всѣ подъ одну мѣрку. Такъ г. Чехову не будетъ завидно.

Я сказалъ выше, что старый профессоръ *Скучной исторіи* не есть, въ писаніяхъ г. Чехова, отдѣльное, случайное явленіе. *Разсказъ неизвѣстнаго человѣка* походитъ какъ двѣ капли воды съ внѣшней стороны на *Скучную исторію*. Есть въ немъ обманутая любовь женщины и пренебреженная любовь мужчины; есть и человѣкъ съ измѣнившимся подъ вліяніемъ болѣзни ли, другого ли чего—неизвѣстно, міровоззрѣніемъ; остальное—аксессуары. Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, это и есть неизвѣстный человѣкъ, герой разсказа, „отставной лейтенантъ нашего флота... дворянинъ... образованный человѣкъ“. Онъ поступилъ въ лакеи къ петербургскому чиновнику, „не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго (говоритъ онъ) считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я расчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца“. Для этой цѣли было бы прямѣе поступить въ лакеи къ отцу самому. У сына на службѣ онъ слышалъ разные мерзостные разговоры, которые ему были тяжелы, но „тѣ сотни записокъ и бумагъ, которыя я находилъ въ кабинетѣ и читалъ, не имѣли даже отдаленнаго отношенія къ тому, что мнѣ нужно было, говоритъ онъ. Орловъ былъ совершенно равнодушенъ къ громкой дѣятельности своего отца и имѣлъ такой видъ, какъ будто не слыхалъ о ней... Я скучалъ и томился, но все-таки продолжалъ жить у него“. Почему? Отвѣтъ на это можно сдѣлать только предположительный. Орловъ послалъ своего лакея отвезти записку къ одной барынѣ, своей любовницѣ. „Я тогда, говоритъ этотъ, встрѣчалъ мало женщинъ и эта дама, которую я видѣлъ мелькомъ, произвела на

меня сильное впечатлѣніе. Возвращаясь домой, я вспоминалъ ея лицо, брильянты и запахъ тонкихъ духовъ и мечталъ о томъ, какъ я куплю себѣ небольшое имѣніе и женюсь на сосѣдкѣ, у которой будутъ такія же мягкія, интеллигентныя и изящныя черты. Однимъ словомъ, сантиментальность". Впечатлѣніе отъ этой дамы упало на чувствительную, разрыхленную почву: „у меня, говоритъ Неизвѣстный человѣкъ, тогда начиналась чахотка. Не знаю, подъ вліяніемъ ли болѣзни, или начинавшейся перемѣны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ"... Можно было бы предположить поэтому, что Неизвѣстнаго человѣка удерживаетъ въ лакеяхъ у Орлова любовь къ встрѣченной имъ дамѣ. Позднѣе, когда она къ Орлову переѣхала, оно такъ и было, но до этого переѣзда лакей могъ ее видѣть всего разъ пять максимумъ, на секунду, въ ея передней. Трудно представить себѣ, чтобы при такихъ условіяхъ могла зародиться сознанная любовь, настолько крѣпкая, чтобы интеллигентнаго человѣка, дворянина, врага отца Орлова, удержать въ гнусной роли лакея, несмотря на то, что, какъ онъ говоритъ, „всякій день этой моей новой жизни я считалъ пропащимъ для себя и для моего дѣла". Но мы уже видѣли въ *Чайкѣ*, что Нина съ третьей встрѣчи предлагаетъ Тригорину медальонъ и свою жизнь. Оставимъ поэтому въ сторонѣ фокусъ-покусы любви, которые г. Чеховъ продѣлываетъ надъ своими героями и героинями. Пойдемъ дальше. Итакъ, Неизвѣстный человѣкъ служитъ у Орлова и исполняетъ обязанности лакея. Нужно отдать здѣсь г. Чехову то, что ему принадлежитъ: способность его передавать изображаемыя имъ лица поистинѣ изумительна. Онъ не столько передаетъ

ихъ, сколько переходитъ въ нихъ; это чисто актерская способность, въ высшей степени рѣдкая въ писателѣ:— купецъ у него купецъ и говоритъ то и такъ, что и какъ говорятъ купцы, солдатъ у него солдатъ, мужикъ—мужикъ. Г. Чеховъ такъ живо очерчиваетъ людей и вещи, и разговоры первыхъ такъ соотвѣтствуютъ ихъ внѣшности, а эта послѣдняя—дѣйствительности, что у читателя чуть-чуть не получаются зрительныя и слуховыя иллюзіи; вы видите эти фигуры и слышите ихъ голоса. Но актеръ обладаетъ своей способностью изображать людей молодыхъ и старыхъ, въ бородѣ, въ бакенбардахъ или только въ усахъ, сердитыхъ, добрыхъ или злыхъ, высокихъ или мстительныхъ и низкихъ, только потому, что у него самого душа такъ же неопредѣленна и лишена индивидуальности, какъ голо и безлично его лицо. У г. Чехова также нѣтъ своей индивидуальности; этимъ и объясняется, почему всѣ впечатлѣнія ложатся на его душу съ одинаковою силою и почему сегодня онъ купецъ, завтра разносчикъ, послѣзавтра извозчикъ, потомъ охтянка, потомъ нѣмецъ-булочникъ, отворяющій свой васисдасъ. Въ *Разсказѣ*, о которомъ идетъ рѣчь, лакей какъ есть лакей, и вамъ кажется, что вы его гдѣ-то видѣли, въ какомъ-то ресторанѣ онъ прислуживалъ вамъ; рѣчь у него настоящая лакейская; когда Орловъ или Зинаида Федоровна его о чемъ-нибудь спрашиваютъ, онъ отвѣчаетъ: „никакъ нѣтъ“, „приказали кланяться“. Это очень хорошо въ смыслѣ изображенія лакея; Неизвѣстный человѣкъ, который и трехъ мѣсяцевъ не прослужилъ у Орлова, такъ проникся своею ролью, что Зинаида Федоровна даже назвала его какъ-то „пролетаріемъ съ несчастнымъ лицомъ“. Это очень хорошо, говорю я, однако не нахожу сообразнымъ съ жизненной правдой, что „отставной лейтенантъ флота, дворянинъ, образованный человѣкъ“, повидимому, съ свободолюбивою душою, могъ въ короткое время не только научиться

ремеслу лакея и лакейскимъ рѣчамъ, но и лицо пріобрѣсти лакейское. Итакъ, Неизвѣстный человѣкъ живетъ у Орлова, любитъ Зинаиду Федоровну и смотритъ, какъ она любитъ Орлова, причемъ надѣваетъ чулки на ноги того, кого любитъ женщина, которую онъ самъ любитъ, убираетъ его грязное бѣлье, видитъ его полуодѣтымъ и раздѣтымъ, зная, что и женщина, которую онъ любитъ, видитъ его тоже раздѣтымъ. Какъ онъ самъ говоритъ, онъ не чувствуетъ ревности къ Орлову, а лишь по временамъ злобу противъ Зинаиды Федоровны, любящей такого гуся, какъ Орловъ. Хорошо, но именно потому, что онъ видѣлъ, какъ слѣпа ея любовь къ нему, онъ не могъ же разсчитывать на то, что она скоро прекратится. При такихъ условіяхъ какъ же онъ не ушелъ, чтобы напрасно не мучиться своею собственною любовью? Но онъ продолжалъ жить и быть лакеемъ любовника любимой имъ женщины. И это человѣкъ, у котораго въ прошломъ—и, повидимому, еще недавнемъ прошломъ, потому что, поступая къ Орлову, онъ еще не замѣчалъ въ себѣ перемѣны міровоззрѣнія и поступилъ даже ради своего дѣла,—были, какъ онъ потомъ разсказывалъ Зинаидѣ Федоровнѣ, „въ самомъ дѣлѣ изумительныя похожденія“, было такое, что „казалось ей страшнымъ, удивительнымъ, героическимъ и что возбуждало въ ней зависть и восторгъ“. Полноте-ка! Какъ бы чахотка ни подточила его энергію, какъ бы перемѣна воззрѣній ни ослабила въ немъ волю, онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не могъ настолько ужъ превратиться въ лакея, чтобы чистить сапоги и выливать ночной горшокъ человѣка, пользующагося ласками женщины, которую онъ любитъ. Онъ ушелъ бы, въ особенности, когда понялъ, что для дѣла онъ никакой пользы не извлечетъ изъ своего пребыванія у Орлова. Но онъ остается, и это вторая несообразность. Уходитъ онъ по совершенно неожиданному поводу. Въ отсутствіе

Орлова къ нему является его отецъ. Не заставъ сына, онъ садится къ столу и пишетъ ему записку. „Я стоялъ позади, глядѣлъ на его лысину и ямку въ затылкѣ, и для меня было ясно, какъ день, что этотъ слабый, больной старикъ теперь въ моихъ рукахъ... Стоило бы мнѣ только употребить немножко физической силы, и я получилъ бы неизмѣримо больше, чѣмъ могъ разсчитывать, когда поступалъ въ лакеи... Я думалъ, едва ли когда представится мнѣ болѣе счастливый случай. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, я совершенно равнодушно посматривалъ то на лысину, то на ямку, то на мѣхъ и покойно размышлялъ объ отношеніяхъ этого человѣка къ своему единственному сыну... Онъ кончилъ писать и всталъ. У меня еще оставалось время. Я торопилъ себя и сжималъ кулаки, стараясь выдавить изъ своей души хотя каплю прежней ненависти; я вспоминалъ, какимъ страстнымъ, упрямымъ и неумолимымъ врагомъ я былъ еще такъ недавно... Но трудно зажечь спичку о рыхлый камень". Такъ передаетъ свое душевное состояніе при встрѣчѣ съ Орловымъ-отцомъ Неизвѣстный человѣкъ. Вся эта психологія мнѣ представляется очень странной, и кажется мнѣ, что никогда никакого настоящаго „неизвѣстнаго человѣка" г. Чеховъ не видалъ и весь разсказъ выдумалъ, какъ и скучную исторію стараго профессора. Неизвѣстнаго человѣка поражаетъ, что у него не подымается рука на старика Орлова. Но ни изъ чего не видно, что онъ хотѣлъ его когда-нибудь убить: ему только его планы нужны были. А если такъ, то что же удивительнаго въ томъ, что его и не убилъ? Не хотѣлъ убивать никогда,—ну и не убилъ. Затѣмъ, вообще, убійство вещь не такая ужъ простая, чтобы даже при желаніи убить можно было это сдѣлать сейчасъ же. Даже и при сильной враждѣ и ненависти убійство не всегда имѣетъ мѣсто. Будь это иначе, наша жизнь была бы непрестанной рѣзней

и перестрѣлкой. Убійство дѣло нервовъ, а не желанія. Такъ что фактъ не-убійства Орлова самъ по себѣ ровно ничего не значитъ въ опредѣленіи перемѣны взглядовъ Неизвѣстнаго человѣка, тѣмъ болѣе, повторяю, что онъ и не думалъ его убивать, иначе ему прямѣе было бы поступить къ нему самому въ лакеи. Впрочемъ, и планы старика онъ могъ бы скорѣе узнать, служа у него самого, а не у его сына. Самое вступленіе его къ этому послѣднему есть уже нѣчто безсвязное: кто же, кромѣ какого-то Неизвѣстнаго человѣка, можетъ предположить, что записки и бумаги важнаго и секретнаго характера могутъ у кого-нибудь валяться на глазахъ лакея? Но допустимъ, что онъ поступилъ на всякій случай. Онъ скоро убѣдился, что ошибся; что же онъ тамъ оставался,—онъ, человѣкъ другого, высокаго міра,—лакеемъ у какой-то дряни? Чего онъ ждалъ? На что надѣялся? И какъ-то не вѣрится, что такой человѣкъ, у котораго, какъ кажется, не было царя въ головѣ, могъ имѣть въ прошломъ изумительныя похожденія, если только эти похожденія не были изумительны по нелѣпости. „Итакъ, говоритъ онъ, нельзя уже было сомнѣваться: во мнѣ произошла какая-то перемѣна и я сталъ другимъ человѣкомъ... Кто же я теперь такой? О чемъ мнѣ думать и что дѣлать? Куда идти? Для чего я живу? Ничего я не понималъ и ясно сознавалъ только одно: надо укладываться. До посѣщенія старика мое лакейство имѣло еще смыслъ, теперь же оно было смѣшно и оскорбительно. Если я сейчасъ же не сниму этого лакейскаго фрака,—думалъ я,—то мнѣ будетъ казаться, что я надѣлъ и ношу его только ради теплаго угла и куска хлѣба. Слезы капали у меня въ раскрытый чемоданъ“... Какой смыслъ имѣло раньше это лакейство, когда самъ онъ говоритъ, что каждый день этой жизни считалъ пропащимъ и для себя, и для своего дѣла, а съ другой стороны, почему оно потеряло свой смыслъ,

если его имѣло, послѣ посѣщенія старика, котораго Неизвѣстный человѣкъ не убилъ, потому что никогда не имѣлъ въ виду убить его?—на эти вопросы нечего искать отвѣта: все это безсвязно, пристегнуто одно къ другому совершенно искусственно. Но интересны все-таки слова о тепломъ углѣ и кускѣ хлѣба. Такъ можетъ говорить объ этомъ лишь человѣкъ, которому часто недоставало и теплаго угла, и куска хлѣба и которому жаль себя, жаль, въ виду злого недуга, грызущаго ему грудь, идти опять на холодъ, на голодъ,—а не идти нельзя, нельзя не снять лакейскаго фрака и сдѣлаться дѣйствительнымъ лакеемъ, растоптать собственными ногами остатки своего достоинства, ради того, чтобы сохранить сытный столъ и теплый кровъ. И вотъ этотъ человѣкъ нѣсколько дней спустя—въ Венеціи, живетъ повидимому недурно, лѣчится и ничего не дѣлаетъ, если не считать дѣломъ усилій влюбить въ себя Зинаиду Федоровну, которую онъ увезъ съ собою. Потомъ онъ переѣзжаетъ во Флоренцію, потомъ въ Ниццу. Ни самъ онъ, ни г. Чеховъ не говоритъ, на какія средства онъ путешествуетъ: на деньги ли Зинаиды Федоровны или же товарищей и знакомыхъ, съ которыми онъ внутренно порвалъ, такъ что послѣ ухода старика, какъ онъ говоритъ, „первая мысль моя была о томъ, какъ я покраснѣю и растеряюсь, когда встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ“.

Все это очень несообразно. Но мы поймемъ источникъ этихъ несообразностей, если примемъ во вниманіе, что весь *Разсказъ неизвѣстнаго человѣка* есть не больше, не меньше, какъ рамка, оправа, для слѣдующихъ словъ, которыя герой въ дикомъ прощальномъ письмѣ, оставляемомъ имъ Орлову, помѣщаетъ какъ объяснительную надпись къ картинѣ: „се собака, а не левъ“—чтобы не было сомнѣнія, хотя и такъ сомнѣнья быть не можетъ: „Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, объяснить

не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ и навѣки простился со своею молодостью, замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же, у меня была непрерывная жестокая боль.... Но вотъ огненный вопросъ. Отчего мы утомились? Отчего мы вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами, такъ что отъ нашей вѣры, страсти и отваги не остается даже пыли? Отчего въ этомъ возрастѣ одинъ изъ насъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого? Отчего?" Объ этихъ вопросахъ рѣчь будетъ дальше.

Мы видѣли, что Неизвѣстный человѣкъ соприкасается нѣкоторыми своими сторонами съ старымъ профессоромъ; другими онъ напоминаетъ Иванова (и уже это одно снимаетъ съ него обликъ какого-то павшаго титана, какимъ его хотѣлъ изобразить г. Чеховъ), а Ивановъ въ свою очередь имѣетъ общія черты съ профессоромъ изъ *Скучной исторіи*: онъ тоже „сталъ раздражителенъ, вспыльчивъ, рѣзокъ", у него тоже „безсонница, шумъ въ ушахъ", тоже и онъ „женился по страстной любви" и „еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ... работалъ этими самыми руками". И съ нимъ тоже, какъ съ профессоромъ и съ Неизвѣстнымъ человѣкомъ что-то такое случилось, и онъ тоже задаетъ вопросъ: „Въ двадцать лѣтъ, говоритъ, мы всѣ уже геров, за все беремся, все можемъ, а къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость?" Относительно себя Ивановъ предполагаетъ, что вотъ отъ

чего съ нимъ это вышло: „У меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотьбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула...“

„Какъ никто во всемъ уѣздѣ“—это прелестно. Можно подумать, что уѣздъ для Иванова все равно, что міръ, и онъ въ этомъ мірѣ вѣровалъ, страдалъ, „женился не такъ, какъ всѣ“ и т. д. Какъ Неизвѣстному человѣку, Иванову захотѣлось обывательскихъ пейзажей; не имѣя возможности создать ихъ себѣ самому,—добрая душа, онъ даетъ другимъ совѣты: „Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло...“

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ ренегатъ изъ *Разсказа неизвѣстнаго человѣка* наплевалъ на свое прошлое. Но старый профессоръ изъ *Скучной исторіи* наплевалъ на него такъ же радикально, какъ и Ивановъ: вы помните эти вечерніе чаи у Кати, гдѣ сначала она сама съ ея вздыхателемъ шипѣли на весь Божій свѣтъ, и про-

фессоръ ихъ называлъ жабами, а потомъ и онъ сталъ съ ними шипѣть, и, какъ самъ говоритъ, вмѣсто двухъ, теперь стали три жабы.

Такимъ образомъ эти три персонажа, профессоръ, Неизвѣстный человѣкъ и Ивановъ, представляютъ, какъ я уже сказалъ сначала, близкія разновидности одного и того же типа человѣка, круто измѣнившаго свои взгрѣнія. Ихъ соединяетъ не только эта черта, но еще и то, что всѣхъ ихъ г. Чеховъ возноситъ сначала на головокружительную высоту, чтобы потомъ низринуть во прахъ. Старому профессору онъ даетъ орлиную мысль, но заставляетъ этого орла „ниже куръ спускаться“. Неизвѣстному человѣку онъ сообщаетъ черты и повадки льва, а затѣмъ говоритъ не безъ нѣкотораго удовольствія: се собака а не левъ. Иванова онъ тоже представляетъ какимъ-то общественнымъ дѣятелемъ высокаго роста, чтобы потомъ низвести его до уровня безпомощнаго и обезсиленнаго брюзги. Все это, помимо вашей воли, внушаетъ вамъ мысль, что г. Чеховъ находится во власти одной и неотступной идеи: что мужество, героизмъ, сила—это иллюзіи молодости, обманы, которые проходятъ къ 30—35 годамъ; душевная красота вянетъ, сила изнашивается, отвага гаснетъ; орлы спускаются ниже куръ, львы становятся собаками, общественные дѣятели разслабленными неврастениками. Это—идея, какъ всякая идея; при достаточномъ діалектическомъ искусствѣ ее можно поддерживать не безъ успѣха. Очевидно, г. Чеховъ искусный діалектикъ, если сумѣлъ отвести глаза большинству своихъ читателей. Но это—діалектика, искусство, фокусъ, а не жизненная правда. Чтобы показать, что сила, отвага, стойкость, героизмъ разбиваются къ 30—35 годамъ, нужно было взять примѣръ людей сильныхъ, отважныхъ, стойкихъ, героическихъ по своей природѣ. А таковы ли герои г. Чехова? Взглянемъ на нихъ внимательнѣе и ближе.

Неизвѣстный человѣкъ надорвался, у Иванова треснула спина; Неизвѣстный человѣкъ поднялъ на плечи Газскія ворота, а Ивановъ взвалилъ себѣ на нихъ тяжелые мѣшки. Уже въ исторіи съ Неизвѣстнымъ человѣкомъ можно было видѣть, что тутъ что-то не такъ. Газскія ворота! сказалъ же! и съ библейскимъ силачомъ себя сравнилъ.... Романтикъ-человѣкъ! Въ дѣйствительности же просто-напросто залетѣла ворона на высокія хоромы—и больше ничего; духъ сперло, она и назадъ, внизъ, поскорѣй. Каждый приблизительно знаетъ свои силы и беретъ себѣ дѣло въ соотвѣтствіи съ ними. Кто беретъ непосильное, дѣйствуетъ отчасти изъ честолюбія а, можетъ-быть, и изъ тщеславія. Поэтому и нашъ незнакомецъ говоритъ, что онъ не ошибся, а „обманулъ себя“, т.-е. не силы свои не разсчиталъ по отношенію къ дѣлу, а самое дѣло ошибочно выбралъ, руководясь не органическимъ сродствомъ съ нимъ, а какими-нибудь соображеніями или вліяніями, посторонними его вороньему темпераменту. Поэтому, я нисколько не сомнѣваюсь, что свои „изумительныя, страшныя, удивительныя, героическія похожденія“ онъ сильно преувеличилъ отчасти изъ жалости къ своему новому состоянію, отчасти, чтобы влюбить въ себя Зинаиду Федоровну. „О той перемѣнѣ, какая произошла во мнѣ, я не обмолвился ни однимъ словомъ“, признается онъ самъ. Но въ чемъ именно заключаются въ переводѣ на обыкновенный языкъ его „Газскія ворота“, объ этомъ можно судить лишь по аналогіи съ „мѣшками“ Иванова. Собственно, что Ивановъ дѣлалъ? Женился на еврейкѣ—это для него подвигъ, „мѣшокъ“, заводилъ раціональное хозяйство у себя въ имѣніи—другой „мѣшокъ“, заводилъ „необыкновенныя“ школы — третій мѣшокъ; бросалъ деньги направо и налѣво—четвертый мѣшокъ; горячился—пятый; да еще „говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ“—шестой. До того, что

у него въ имѣньи раціональное хозяйство не пошло, никому никакого дѣла нѣтъ: не заводилъ бы, если не умѣлъ. Что онъ горячился, это тоже никому не интересно. Что деньги бросалъ направо и налѣво, опять же его дѣло. Остается что же? „Необыкновенныя“ школы, ораторскія упражненія и женитьба на еврейкѣ. Хотя жена его любитъ и покорная раба ему и хотя, какъ онъ говоритъ, женился онъ по страстной любви, однакоже, теперь онъ недоволенъ ею и на женитьбу свою смотритъ какъ на такое же фатальное и либеральное увлеченіе въ ту пору, когда онъ вѣровалъ какъ никто во всемъ уѣздѣ, какъ и раціональное хозяйство, и школы. „Женился не какъ всѣ“, объясняетъ онъ своему другу; „не женитесь вы на еврейкахъ“, совѣтуетъ онъ доктору. И непонятно, почему, чтобы жениться на еврейкѣ, нужно больше силъ, чѣмъ для женитьбы на христіанкѣ; если бы, женившись на Сарѣ Абрамсонъ, онъ не заводилъ школъ и раціональнаго хозяйства, еще можетъ-быть, онъ и уцѣлѣлъ бы; или же, заводя школы и раціональныя хозяйства, не женился бы на Сарѣ, онъ тоже еще могъ бы спастись; но все вмѣстѣ это было слишкомъ для его силъ—и онъ надорвался, какъ его рабочій Семенъ, который хотѣлъ похвастать передъ дѣвками.

Въ этомъ словѣ „похвастать“ весь Ивановъ. Съ университетской скамьи—прямо за раціональное хозяйство, въ которомъ онъ, очевидно, ничего не понималъ, за школы, въ которыхъ онъ понималъ должно-быть также мало, потому что ни то, ни другое у него не пошло; между прочимъ женился на еврейкѣ, чего также не дѣлалъ никто въ уѣздѣ, кромѣ евреевъ, конечно, и при всемъ этомъ говорилъ, говорилъ, говорилъ. Даже потомъ, развинченный и разстроенный, онъ этой привычки не оставилъ: „не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги“, а языкъ все еще трещитъ во рту какъ будиль-

никъ. И Гамлетъ-то онъ, и Манфредъ-то онъ, и лишній-то онъ человѣкъ, господинъ Ивановъ. Даже при паденіи не обошлось безъ хвастовства, позы и рисовки. Въ этомъ хвастовствѣ сначала, конечно, было нѣчто наивно-искреннее, похожее на то ребяческое чувство, съ которымъ дѣти хвастаютъ передъ знакомыми своимъ новымъ платьемъ и воображаютъ, что и на улицѣ всѣ смотрятъ на нихъ и находятъ ихъ красивыми въ обновкѣ. Это наивно-искреннее чувство казаться хорошими, умными, дѣятельными, великодушными, эти господа смѣшиваютъ съ „вѣрой“. Потомъ когда обновка пообносилась, когда къ нимъ самимъ попригляделись, когда они женились, они сами себѣ наскучиваютъ, раціональное хозяйство забрасываютъ, школы посылаютъ ко всѣмъ чертямъ, денегъ у нихъ больше нѣтъ, долги же растутъ, безпокоятъ ихъ, имъ надоѣдаетъ эта возня, имъ становятся противны ихъ ложныя увлеченія, и тогда они говорятъ, что они „вѣру“ утратили. Вѣру утратили, а хвастовство осталось. Неизвѣстный человѣкъ хвастаетъ своими прошлыми похожденіями, чтобы понравиться Зинаидѣ Федоровнѣ. И Ивановъ тоже со своими пошлыми рѣчами о еврейкахъ, психопаткахъ и синихъ чулкахъ, о хозяйствѣ, о школахъ и о горячихъ рѣчахъ представляется себѣ не иначе какъ Манфредомъ, Гамлетомъ, или лишнимъ человѣкомъ. Подумать же о томъ, что онъ просто ничтожный человѣкъ, ему и въ голову не приходитъ. Люди этого сорта никогда не изучаютъ себя; поэтому, убѣжденные въ своихъ превосходныхъ качествахъ, во всѣхъ своихъ передрягахъ, неудачахъ и паденіяхъ, они обвиняютъ внѣшнія обстоятельства и никогда самихъ себя. Неизвѣстный человѣкъ не оттого погибъ, что переоцѣнилъ свои силенки, а оттого что „поднялъ на плечи Газскія ворота“; онъ не ошибся въ своемъ назначеніи—онъ „обманулъ себя“—персона! Ивановъ тоже не просто завертѣлся въ дѣлахъ, кото-

рыхъ не понималъ, и растратилъ свои деньжонки, а онъ „ношу себѣ взвалилъ на спину непосильную“: женился на еврейкѣ. Ивановъ за эти иллюзіи на свой счетъ поплатился жизнью; въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ могъ видѣть, до какой степени онъ ничтоженъ, онъ не убилъ бы себя; онъ воображалъ, что съ какихъ-то высотъ упалъ до Гамлета или Манфреда, на самомъ же дѣлѣ онъ изъ своего полнаго безразличія поднялся хоть до нытика и украсилъ себя такой эффектной болѣзнью, какъ сплинъ; если бы, стало-быть, Ивановъ могъ понять, что онъ въ сущности совершилъ прогрессъ, онъ остался бы жить въ надеждѣ на прогрессъ дальнѣйшій.

Ничтожность—это характерная черта Иванова и ему подобныхъ, такъ какъ очевидно, что люди съ большими силами и характерами и не падаютъ къ 30—35 годамъ, и не жалуются на тягость взятой на себя ноши. Были у насъ люди, подобные библейскому силачу, которые поднимали на себя Газскія ворота, люди о которыхъ поэтъ сказалъ: „Попробуй, усомнись въ богатыряхъ допсторическаго вѣка, когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ все поколѣнье два-три человѣка“. Эти Щедрины, эти Некрасовы, эти Чернышевскіе—развѣ они утомились къ 30 годамъ, развѣ они хныкали, жаловались на тяжесть ноши? Нисколько. Напротивъ. Щедринъ уже подъ конецъ своей жизни горько жалѣлъ лишь о томъ, что онъ взялъ на себя недостаточно много, что онъ не „самоотвергался“, и если онъ на что жаловался, такъ не на тяжесть, которая ему давила плечи, а на то, что никто, какъ ему казалось, не облегчилъ ему его титанической работы хотя бы только ободряющей улыбкой: — „писатель пописываетъ, читатель почитываетъ“. А Чернышевскій? Оторванный отъ рабочаго стола, брошенный на 20 слишкомъ лѣтъ въ тѣ снѣжныя пустыни, самая мысль о которыхъ леденитъ мозгъ, онъ, вернувшись, сѣлъ опять за работу,

которую какъ будто вчера только прервалъ—и лишь потому мы могли замѣтить въ ней слѣды насильственнаго перерыва, что теперь уже не искрился такъ ослѣпительно, какъ бывало раньше, этотъ необыкновенный умъ. Въ другихъ сферахъ дѣятельности можно было бы безъ труда указать людей и съ гораздо болѣе скромными силами, доведшими до самой своей смерти безъ жалобъ, безъ нытья и безъ хвастовства взятое ими на себя нелегкое дѣло. Для меня непостижимо, какъ такая пустая по замыслу и въ большей своей части отзывающая водевильнымъ творчествомъ г. Чехова, хотя и превосходно выполненная, вещь, какъ *Иванов*ъ, могла въ свое время вызвать толки въ печати; она ихъ вызвала, однако, и Глѣбъ Успенскій сдѣлалъ честь Иванову—сравнилъ его съ фельдшерицей „тоже Ивановой", при чемъ, конечно, этотъ уѣздный болтунъ—„гимназія, университетъ, хозяйство, школы, проекты" — оказался ничего не стоющимъ передъ простой земской фельдшерицей, которая не подымала никакихъ воротъ, не взваливала на себя никакихъ мѣшковъ, и тѣмъ не менѣе сумѣла наполнить свою жизнь работой и дать ей этимъ тотъ оттѣнокъ безсознательнаго и какъ бы наивнаго героизма, какимъ окрашивается жизнь только русской женщины. И въ сферѣ, оставленной Неизвѣстнымъ человѣкомъ, также мало, меньше чѣмъ гдѣ бы то ни было, можетъ быть, паденій къ 30 годамъ; и здѣсь можно было бы назвать убѣдительные примѣры людей, которые, „потерявши одно", немедленно же нашли другое и составили себѣ болѣе или менѣе видное имя въ литературѣ или наукѣ.

Раскусивъ своего спутника по за-границѣ, Зинаида Федоровна теряетъ къ нему всякое уваженіе и начинаетъ его называть не иначе, какъ „сударь мой". Разсмотрѣвъ Иванова вблизи, и мы видимъ, что это тоже не болѣе, какъ „сударь мой". Всѣ они таковы: это ни-

чтожества, надутыя своею пустотою, хвастливыя, тщеславныя и изъ тщеславія пристегивающія себя къ цѣлому поколѣнію—„мы“!—дѣлающія изъ своей неспособности и безхарактерности цѣлое явленіе—„мы всѣ!“—помножая дробь на дробь, чтобы увеличить свой знаменатель и тѣмъ придать себѣ иллюзію значительности—хвастунишки и позеры до конца!

И вотъ этихъ-то моллюсковъ г. Чеховъ намъ и показываетъ въ видѣ чуть не гладіаторовъ. И здѣсь нужно отмѣтить, какъ это было сдѣлано и выше, что г. Чеховъ достигаетъ нужныхъ ему результатовъ посредствомъ насилія надъ читателемъ. Онъ, г. Чеховъ, беретъ карандашъ или уголь, набрасываетъ силуэтъ птицы, высоко и надменно парящей надъ землею, потомъ онъ что-то дѣлаетъ съ этой птицей—и вотъ она уже безсильно трепыхается на землѣ. Читатель, смотрящій на эту работу г. Чехова, судитъ по распростертымъ крыльямъ парящей птицы, что это—горделивый, царственный орелъ, житель надземныхъ высотъ; видя его потомъ на землѣ и не понимая, какъ онъ тамъ вдругъ очутился,—добрая душа, читатель подозрѣваетъ тутъ неясную ему символистику и бросая на падшаго царя лазури взглядъ симпатіи и сожалѣнія, онъ говоритъ со вздохомъ: „да, чортъ возьми,—павшій орелъ! да, это штука, это я понимаю—удивительный у васъ талантъ, Антонъ Павловичъ!“ Конечно, это не богъ вѣсть какой понимающій читатель. Читатель болѣе внимательный сказалъбы: „талантъ несомнѣнный у васъ есть, Антонъ Павловичъ, объ этомъ ни малѣйшаго спора быть не можетъ; но есть у васъ въ то же время странная потребность представлять дѣйствительность въ ложномъ видѣ. Вотъ и теперь къ куричьему тѣлу вы придѣлываете крылья орла; но они слишкомъ тяжелы для этого тѣла, но оно неизбѣжно упадетъ отъ ихъ тяжести камнемъ на землю и разобьется, такъ что отъ него только мокренько оста-

нется, или лучше сказать, никакого паденія не будетъ, потому что для такого плохого тѣла, отягченнаго такими тяжелыми крыльями и никакое поднятіе въ высь невозможно, немыслимо: курица съ орлиными крыльями, это ваша выдумка, остроумная выдумка, искусная, но выдумка. И, несмотря ни на какія насилія вашего таланта надо мной, вы не заставите меня принять мокрую курицу за пламеннаго орла".

Такъ сказалъ бы понимающій читатель, и онъ не смѣшалъ бы, подобно нѣкоторымъ критикамъ г. Чехова, ни съ неудачниками, ни съ липними людьми, свищей, созданныхъ г. Чеховымъ и долженствующихъ представлять избранныя натуры, гибнущія во цвѣтѣ лѣтъ отъ причинъ положительно никому неизвѣстныхъ: ни имъ самимъ, ни г. Чехову, ни критикамъ г. Чехова.

Нѣтъ, ужъ если г. Чеховъ такого мнѣнія, что сила, страсть, блескъ роковымъ образомъ должны въ человѣкѣ падать и гаснуть къ 35 годамъ, то слѣдовало намъ показать людей настоящихъ, на самомъ дѣлѣ обладающихъ и страстью, и силой, а не какихъ-то „сударей монхъ", также безцеремонно и, впрочемъ, безуспѣшно убирающихся въ чужую красоту, какъ спокойно они разъѣзжаютъ на чужія деньги по Италіи и по ослѣпительнымъ берегамъ Средиземнаго моря.

VIII.

Въ состояніили г. Чеховъ, или нѣтъ, дать образы такихъ настоящихъ, сильныхъ, полныхъ энергіи и блеска людей, этого, по правдѣ сказать, я не знаю. То, что я могу сказать съ увѣренностью, это что, вообще, свѣтлую сторону жизни онъ умышленно обходитъ, являясь такимъ образомъ однимъ изъ наболѣе типичныхъ тенденціозныхъ художниковъ. Съ видимымъ удовольствіемъ онъ изображаетъ несчастную или разбитую любовь, но не изображаетъ счастливой; однакоже, такая любовь

существуетъ. Для изображенія людей онъ выбираетъ такой моментъ, когда ихъ внутренняя жизнь неизвѣстно почему надламывается, но онъ не изображаетъ людей съ ненадломленнымъ духомъ. Если допустить, что въ Россіи такихъ людей нѣтъ,—а я не вижу никакихъ резоновъ допускать это,—то все-таки у каждаго изъ видѣнныхъ нами героевъ г. Чехова есть, по замыслу послѣдняго, богатое прошлое, когда они были крѣпки духомъ. Не говоря уже о профессорѣ и о Неизвѣстномъ человѣкѣ съ его „изумительными, героическими похожденіями“, даже Ивановъ и тотъ „еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками“... Гдѣ же прошлое этихъ людей? Почему его никогда не изобразилъ г. Чеховъ? Предположимъ, что дѣйствительно „къ тридцати годамъ мы утомляемся“, но зато вѣдь „въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои“ и слѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ десяти мы, говоря словами Иванова, „за все беремся, все можемъ“. Почему г. Чеховъ никогда не представилъ намъ человѣка въ этотъ именно моментъ жизни? Нельзя сказать, чтобы онъ этотъ моментъ не наблюдалъ: во всякое время есть люди отъ 20 до 30 лѣтъ; къ тому же „мы *всѣ* въ 20 лѣтъ герои“ и слѣдовательно этотъ сортъ людей распространенъ. Отчего г. Чеховъ не описалъ никогда, какъ такой человѣкъ любитъ и вѣритъ, что онъ любитъ и во что вѣритъ, какъ онъ борется съ невѣжествомъ, какъ усиливается распространить въ окружающей средѣ здоровыя и свѣтлыя идеи, о чемъ онъ мечтаетъ, чего онъ хочетъ и какъ свои мечты и желанія онъ проводитъ въ жизнь? Вотъ Ивановъ, оказывается, и „говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло, зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ,

или тѣшишь свой умъ мечтами... Вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери"... Вотъ бы въ ту пору увидать намъ такого Иванова и послушать, что такое говорилъ онъ въ уѣздѣ, что даже невѣждъ прошибала слеза. Ничего подобнаго г. Чеховъ намъ не показываетъ.

И это не случайность.

Г. Чеховъ одностороненъ и узокъ отчасти и, конечно, главнымъ образомъ по природѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я сказалъ, хорошую, положительную, свѣтлую сторону людей и жизни онъ намѣренно избѣгаетъ рисовать. Такъ напримѣръ, Никитинъ *(Учитель словесности)* вдругъ почувствовалъ отвращеніе (у г. Чехова все вдругъ!) къ жизни, которую онъ велъ и которая его окружала. Ему 27 лѣтъ, годъ всего тому назадъ, какъ онъ женился, жилъ съ женой—лучше нельзя, былъ доволенъ гимназіей, гимназія — имъ, домъ у него былъ полная чаша. И вдругъ на него нашло. Никитинъ „думалъ о томъ, что хорошо бы взять теперь отпускъ и уѣхать въ Москву и остановиться тамъ на Неглинной въ знакомыхъ номерахъ... Онъ... писалъ въ своемъ дневникѣ: „Гдѣ я, Боже мой?! Меня окружаетъ пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины съ молокомъ, тараканы, глупыя женщины... Нѣтъ ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума!" До того дня, когда онъ написалъ эти строки, Никитинъ представлялся читателю какъ очень счастливый, здоровый, веселый и пустой малый. Написавъ эти нѣсколько строкъ, онъ вдругъ мѣняется, онъ неожиданно вырастаетъ въ вашихъ глазахъ. Тутъ Никитинъ становится интересенъ, но тутъ же и кончается разсказъ г. Чехова. Если затѣмъ вы хотите знать, какъ ведетъ себя въ жизни человѣкъ, которому противна пошлость и который стра-

даетъ отъ нея, вамъ придется обратиться къ другимъ авторамъ: г. Чеховъ вамъ этого не покажетъ.

Но обративъ вниманіе на заключительныя слова Никитина „...или я сойду съ ума“ и принявъ ихъ за нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ простая фраза, вы сможете составить себѣ представленіе если не о дальнѣйшей судьбѣ самого Никитина, то о томъ, что такое, по представленію г. Чехова, являютъ собою люди, принимающіе слишкомъ горячо къ сердцу тяжелыя и возмутительныя стороны жизни.

Онъ смотритъ на людей, рвущихся къ идеалу, переполненныхъ жаждой его и страдающихъ ради него, какъ на больныхъ душою. Профессоръ въ *Скучной исторіи* возалкалъ общей идеи, когда сталъ нездоровъ; здоровый онъ и не думалъ объ этомъ. Иванъ Дмитричъ Громовъ *(Палата № 6)* „говорилъ громко, горячо и не иначе, какъ негодуя и возмущаясь, или съ восторгомъ и удивленіемъ, и всегда искренно. О чемъ, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую безсмысленную жизнь, разнообразя ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемѣріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами; нужны школы, мѣстныя газеты съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичныя чтенія, сплоченность интеллигентныхъ силъ; нужно, чтобъ общество сознало себя и ужаснулось“. Такъ говорилъ Иванъ Дмитричъ Громовъ, и однажды онъ „вдругъ“ сошелъ съ ума; то-есть онъ и раньше былъ ненормаленъ, и ненормальность эта и выражалась въ вышеприведенныхъ его разговорахъ. Ковринъ (*Черный монахъ*) пока онъ былъ сумасшедшій, казался другимъ и себѣ необыкновеннымъ, геніальнымъ. „Ты служишь вѣчной правдѣ, говорилъ онъ себѣ устами своего призрака, чернаго монаха. Твои мысли, намѣренія, твоя удивительная наука и вся твоя

жизнь носятъ на себѣ божественную, небесную печать, такъ какъ посвящены они разумному и прекрасному, то-есть тому, что вѣчно". Коврина стали лѣчить и вылѣчили. Мысли его стали другія. „Онъ думалъ о томъ, какъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку. Напримѣръ, чтобы получить подъ сорокъ лѣтъ кафедру, быть обыкновеннымъ профессоромъ, излагать вялымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ, обыкновенныя и притомъ чужія мысли,—однимъ словомъ, для того, чтобъ достигнуть положенія посредственнаго ученаго, ему, Коврину, нужно было"... „Коврину теперь ясно сознавалъ, что онъ посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ есть". Еще одинъ примѣръ. Двое товарищей-студентовъ повели третьяго по „такимъ" домамъ. Этотъ третій „падшихъ женщинъ зналъ только по наслышкѣ и изъ книгъ, и въ тѣхъ домахъ, гдѣ онѣ живутъ, не былъ ни разу въ жизни". Побывавъ и ушедши оттуда такимъ же чистымъ, какъ вошелъ, онъ думаетъ: „И какъ не стыдно снѣгу падать въ этотъ переулокъ! Будь прокляты эти дома!" Потомъ онъ набрасывается на своихъ товарищей: „Послушайте, вы!—сказалъ онъ сердито и рѣзко.—Зачѣмъ вы сюда ходите? Неужели... неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ну, будьте, ради Бога, умны, разсуждайте. Ваша медицина говоритъ, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего-нибудь другого; искусства говорятъ, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ отъ того, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человѣкъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то, значитъ, на

обоихъ васъ придется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ, втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину! Ахъ, да развѣ это не ужасно, Боже мой?"

Вы восхищены, не правдали впечатлительностью, отзывчивостью и чистотою этого молодого человѣка. Но... разсказъ называется *Припадокъ*, и этого молодого человѣка его товарищи ведутъ къ доктору по душевнымъ болѣзнямъ.

Такого рода разсказы немногочисленны въ сочиненіяхъ г. Чехова, и я охотно оставилъ бы ихъ внѣ разсмотрѣнія и даже не упомянулъ бы о нихъ, какъ о вещицахъ, описывающихъ малоинтересные случаи, если бы эти разсказы не примыкали ко всѣмъ остальнымъ характерными чертами односторонности г. Чехова. Онъ видитъ и хочетъ видѣть жизнь только съ ея тусклаго, отталкивающаго конца. Увлеченія, искренность, чистыя страсти ему представляются какъ симптомы близкаго душевнаго разстройства. Что человѣкъ съ горячимъ сердцемъ можетъ сойти съ ума, что онъ можетъ съ ума сойти именно потому, что у него сердце горячее, это, конечно, вещь возможная, хотя и не частая. На ряду съ этимъ есть, однако, другое, болѣе обычное явленіе: люди съ горячимъ сердцемъ, сохраняющіе здоровый разсудокъ до конца. Г. Чеховъ смотритъ упорно мимо этихъ людей, есть въ его душѣ какіе-то инстинкты—какіе, пусть объяснятъ намъ это критики-психологи—инстинкты, заставляющіе г. Чехова, при встрѣчѣ съ бодрыми, сильными людьми, стараться не замѣчать ихъ. Если же тѣмъ не менѣе онъ бываетъ все-таки вынужденъ обратить на нихъ вниманіе, то онъ либо сводитъ ихъ съ ума, либо какъ-нибудь иначе ломаетъ имъ существованіе.

Укажу еще одну, капитальную, черту односторонности г. Чехова: онъ не только, какъ мы видѣли, обходитъ хо-

рошія и свѣтлыя стороны жизни, но и изъ дурныхъ и темныхъ, которыя онъ изображаетъ, самое интересное и важное онъ съ такою же тщательностью избѣгаетъ рисовать. Разъ онъ выбралъ своею спеціальностью отрицательныя явленія, мы не можемъ отъ него требовать, конечно, чтобы онъ изображалъ и положительныя, но по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ имъ самимъ выбранной области, ему можно все-таки выразить нѣкоторыя desiderata, ему можно сказать, парафразируя знаменитую фразу: писать, г. Чеховъ, такъ ужъ все пишите! Напрасныя просьбы: „все“ и здѣсь закрыто для г. Чехова,— только часть, небольшая, выбранной г. Чеховымъ категоріи явленій доступна его творчеству. Правда, старый профессоръ въ *Скучной исторіи* говоритъ, что онъ ненавидѣлъ насиліе, Ивановъ говоритъ, что онъ возмущался, когда видѣлъ зло; но гдѣ же изображеніе зла и насилія въ разсказахъ г. Чехова? Ненавидя зло, возмущаясь насиліемъ, старый профессоръ и Ивановъ сталкивались, если не въ качествѣ дѣятельныхъ участниковъ, то хоть въ видѣ зрителей съ драматическими фактами дѣйствительности. Но гдѣ драматизмъ жизни въ произведеніяхъ г. Чехова? Въ его драмахъ? Нѣтъ, тамъ вы его не найдете. Нигдѣ вы его не найдете у г. Чехова. И если хотите, присмотримся ближе къ его драмамъ: это любопытно.

IX.

Г. Чеховъ искусный писатель вообще, и въ частности очень умѣлый сочинитель драмъ. Онъ творитъ изъ ничего, какъ Саваоѳъ. Живутъ люди въ какомъ-нибудь городѣ, ходятъ на службу, обѣдаютъ, играютъ въ карты, спятъ, въ свободное отъ этихъ занятій время умножаютъ населеніе Россіи—и вовсе не думаютъ, что они герои драмъ. Но является г. Чеховъ. Одному онъ даетъ въ руки револьверъ, другому ядъ—и вдругъ эти смирные люди, неизвѣстно съ чего, начинаютъ другъ въ

дружку и въ себя стрѣлять или пить ненужную имъ отраву—и вотъ вамъ драма. Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ, гдѣ пиршествъ раздавались клики, надгробные тамъ воютъ лики, и блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ. И г. Чеховъ тоже на всѣхъ глядитъ съ характеризующей его пренебрежительной и легкой иронической улыбкой, удивляясь, какъ мало нужно, чтобы привести публику и критиковъ въ возвышенное настроеніе ума и заставить ихъ видѣть сложную и глубокую драму тамъ, гдѣ самъ онъ, г. Чеховъ, какъ человѣкъ умный, не видитъ ничего, кромѣ искусно сдѣланной театральной пьесы.

Въ самомъ дѣлѣ г. Чеховъ употребляетъ средства малыя, не дорогія, не требующія большого расхода воображенія, чтобы достигнуть драматизма—чисто внѣшняго, единственно нужнаго ему, какъ драматургу—своихъ пьесъ: представьте себѣ, что Ивановъ не застрѣливается и что Войницкій не стрѣляетъ въ Серебрякова, и тотчасъ же обѣ эти драмы представятся вамъ, какъ двѣ очень скучныя исторіи. Все дѣло такимъ образомъ въ этой стрѣльбѣ. Въ дѣйствительности ни въ характерѣ Иванова, ни тѣмъ менѣе въ характерѣ Войницкаго нѣтъ ничего такого, что могло бы сдѣлать изъ нихъ героевъ драмы. Вся жизнь ихъ мелка и плоска, какъ мелки и плоски ихъ личности. Но мы любимъ шумъ на сценѣ; намъ пріятно съ полной безопасностью для себя видѣть преступленіе или смерть, зная, что они фальшивы, и мы поддаемся охотно иллюзіи, безъ которой не было бы этого удовольствія. Съ выстрѣломъ, съ убійствомъ, съ самоубійствомъ мы связываемъ въ дѣйствительности представленіе какъ съ несчастіями, выходящими изъ нормы; поэтому и на сценѣ, при нашей жаждѣ безопасной драмы, намъ кажется, что выстрѣлъ Иванова и выстрѣлъ дяди Вани бросаютъ зловѣщій колоритъ на все остальное. Но назвать драмой

пьесу только потому, что въ ней застрѣливается человѣкъ, еще нельзя; еще меньше можно принимать ее за драму. Въ пьесѣ *Чайка* мы находимъ двѣ дѣйствительныя драмы. Но и тутъ г. Чеховъ не могъ обойтись, чтобы не пустить въ дѣло револьверъ. Тѣмъ не менѣе дѣйствіе въ *Чайкѣ* драматично, потому что и Треплевъ, и Нина,—люди талантливые, возвышающіеся хотя, повидимому, и не очень, надъ своей средой. Что нужно для драмы? Или чтобы обыкновенный человѣкъ переживалъ или пережилъ какое-нибудь необычное горе, или же чтобы обычное горе переживалъ человѣкъ хоть въ самой малой степени необыкновенный. Примѣромъ драмы перваго порядка можетъ служить хотя бы *Муму* Тургенева. Драматично въ судьбѣ Треплева то, что погибъ талантливый человѣкъ. Пережила драму и Нина, хотя она и не погибла, изъ чего слѣдуетъ, между прочимъ, что для драмы смерть не необходима и, что наоборотъ, смерть не всегда дѣлаетъ пьесу драмой. Но хотя драмы Треплева и Нины несомнѣнны, онѣ, однако, мало интересны съ занимающей насъ точки зрѣнія: это драмы любви, совершенно индивидуальныя и интимныя. Таковы пьесы г. Чехова, таковы и драматическіе его разсказы, какъ *Моя жизнь*, какъ *Скучная исторія*, какъ *Разсказъ неизвѣстнаго человѣка* и проч. Всѣ они, если не цѣликомъ, то по преимуществу, построены на коллизіяхъ любви. Тотъ, кто описываетъ элегическимъ тономъ эти коллизіи, всегда найдетъ дорогу къ сердцу чувствительнаго читателя. Но какъ бы элегически ни былъ написанъ разсказъ о несчастной любви, послѣдняя все также есть дѣло индивидуальное, не зависящее ни отъ общихъ условій жизни страны, ни отъ частныхъ условій жизни такого-то города, а единственно отъ личныхъ обстоятельствъ тѣхъ, которые другъ друга не хотятъ или не могутъ любить. Въ этомъ смыслѣ несчастная любовь есть зло только для того, кого не лю-

бятъ, а никоимъ образомъ не „зло“ въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово. Ивановъ возмущался, когда видѣлъ зло. Но онъ, конечно, не возмущался, когда ему случалось видѣть, что Иванъ любитъ Марью, а Марья Петра, Петръ Настасью, а Настасья Ивана. Жаль, что такъ выходитъ, но возмущаться тутъ нечѣмъ. Затѣмъ мы видѣли, что для усиленія драмы г. Чеховъ употребляетъ и другое средство— устраняетъ изъ обстановки, окружающей героя, тѣ лица, положенія и обстоятельства, которыя сводятъ драму если не совсѣмъ на нѣтъ, то лишь на очень слабую жизненную непріятность. Такъ, Ивановъ говоритъ, что раньше онъ своимъ краснорѣчіемъ трогалъ даже невѣждъ; значитъ, вокругъ него не одни невѣжды были; значитъ, ему было на кого опереться; значитъ, смертью своею онъ лишь дрянности своей обязанъ; но гдѣ же эти другіе люди въ драмѣ г. Чехова? Ихъ нѣтъ, потому что ихъ присутствіе уничтожило бы драму. Такимъ образомъ, даже и въ области тѣхъ отношеній, которыя не имѣютъ связи со зломъ и насиліемъ, пьесы г. Чехова не отражаютъ драматизма жизни, а содержатъ лишь театральные, сценическіе эффекты, достигнутые намѣреннымъ искаженіемъ жизни или шаблонными пріемами театральной техники: выстрѣлами, убійствами, самоубійствами. Наконецъ, еще одинъ пріемъ, употребляемый г. Чеховымъ для усиленія драмы— это усугубленіе нарочитое—и иной разъ грубое, потому что не нужное,—силы извѣстнаго впечатлѣнія. Такъ, Зинаида Федоровна, въ *Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка*, воскресаетъ послѣ обманутой любви своей къ новой жизни и вѣрѣ, но это продолжается недолго; она скоро раскусываетъ Неизвѣстнаго человѣка и, замѣтивъ, что онъ самъ уже вѣры прежней не имѣетъ, и сама теряетъ свою новую вѣру: въ одно ухо ей вошло, въ другое вышло. Что подъ вліяніемъ оскорбленной страсти

женщина пріобрѣтаетъ политическія убѣжденія, это уже плохо говоритъ за нее, что она ихъ затѣмъ такъ же быстро теряетъ, какъ скоро ихъ пріобрѣла, это еще болѣе плохо; но со стороны г. Чехова другого отношенія къ его героямъ и нельзя было ожидать: ему нужно было, чтобы Зинаида Федоровна дважды потерпѣла крушеніе, какъ и Катя въ *Скучной исторіи*. Но Катя хоть осталась жива. Зинаида же Федоровна умираетъ, родивъ дѣвочку. Умираетъ отъ родовъ? Докторъ предполагаетъ, что нѣтъ, а отъ отравы. Зачѣмъ, спрашивается, нуженъ былъ г. Чехову этотъ толстый, грубый штрихъ: женщина, отравляющаяся при родахъ или послѣ родовъ? Ужъ если ему такъ нужно было отправить на тотъ свѣтъ свою героиню, неужели родильной горячки ему было мало? Но „отравилась“ и „застрѣлился“—это въ сценическомъ отношеніи эффектнѣе, чѣмъ просто „умерла“ или „продолжалъ жить“.

Этотъ грубый пріемъ, утолщеніе штриховъ, усугубленіе силы извѣстныхъ положеній нигдѣ не замѣчается въ такой степени, какъ въ фигурѣ Войницкаго въ пьесѣ *Дядя Ваня*. Что нетребовательный глазъ публики и критики видитъ въ Войницкомъ тонкій и драматическій образъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что г. Чеховъ могъ намазать такую суздальщину, этому я искренно удивляюсь, такъ такъ г. Чеховъ все же человѣкъ очень талантливый и, главное, обладаетъ, вообще говоря, несомнѣннымъ вкусомъ.

Въ продолженіе 25 лѣтъ неукоснительно, преданно и вѣрно Войницкій служилъ бездарному ученому Серебрякову. Спустя четверть столѣтія, для дяди Вани наступаетъ моментъ, когда онъ съ яростью, съ криками и съ выстрѣлами свергаетъ эту добровольно наложенную на себя преданность. „25 лѣтъ я управлялъ этимъ имѣніемъ, работалъ, высылалъ тебѣ деньги, какъ самый добросовѣстный приказчикъ.... кричитъ онъ Серебря-

кову. Двадцать пять лѣтъ я вотъ съ этою матерью, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ... Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!.. Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты объ искусствѣ, но ничего не понимаешь въ искусствѣ! Всѣ твои работы, которыя я любилъ, не стоятъ гроша мѣднаго!... Ты погубилъ мою жизнь! Я не жилъ, не жилъ! По твоей милости я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни!... Пропала жизнь! Я талантливъ, уменъ, смѣлъ... Если бы я жилъ нормально, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій.... Я зарапортовался! Я съ ума схожу... Матушка, я въ отчаяніи! Матушка". (Зарапортовался! еще бы не зарапортовался! Войницкій—Достоевскій, Тригоринъ—Тургеневъ, г. Чеховъ—чуть не Толстой,—это вообще какой-то сумасшедшій домъ!) Какъ вамъ нравится этотъ умный, талантливый и смѣлый человѣкъ, который въ теченіе двадцати пяти лѣтъ благоговѣйно чтитъ бездарность? „Я гордился имъ и его наукой, я жилъ, я дышалъ имъ! Все, что онъ писалъ и изрекалъ, казалось мнѣ геніальнымъ... Боже, а теперь? Вотъ онъ въ отставкѣ, и теперь виденъ весь итогъ его жизни: послѣ него не останется ни одной страницы труда, онъ совершенно неизвѣстенъ, онъ ничто! Мыльный пузырь! И я обманутъ"... „Талантливый" человѣкъ, а разобрать не могъ, что профессоръ ничего не понимаетъ въ искусствѣ, „умный" человѣкъ, а считалъ геніальнымъ то, что было бездарнымъ. Развѣ это допустимо? „Смѣлый" человѣкъ, а жилъ и дышалъ чужой ерундой! И если бы Серебряковъ не подалъ въ отставку, Войницкій и

по сей часъ считалъ бы Серебрякова геніемъ. Войницкій этотъ, очевидно, недалекій и бездарный малый. Въ самомъ лучшемъ случаѣ его можно причислить къ той породѣ глупыхъ и бездарныхъ людей, которые внутренно убѣждены, что у нихъ „художественная“, какъ они говорятъ, „натура“, и которые поэтому, ради доставленія этой своей натурѣ какой-нибудь работы, примазываются къ тому или другому представителю искусства. Это такъ сказать добровольные адъютанты людей причастныхъ къ искусству. Смотря на Войницкаго такъ, можно еще объяснить себѣ, что онъ работалъ на Серебрякова, въ которомъ видѣлъ генія. И тѣмъ не менѣе выполненіе этой фигуры грубо. Г. Чеховъ не пожалѣлъ красокъ, вѣроятно потому, что выбралъ самыя плохія и дешевыя. Всѣ эти „двадцать пять лѣтъ“, „я жилъ, я дышалъ“, „мы гордились“, „съ благоговѣніемъ произносили твое имя“, „я обожалъ“, „твои статьи знали наизусть“, весь этотъ наборъ гиперболъ и превосходныхъ степеней либо характеризуетъ очень недалекаго, но искренняго малаго, либо они натянуты, фальшивы и ничего не значатъ. Хотя и въ первомъ случаѣ трудно найти на свѣтѣ еще такого примѣрнаго глупца, какъ дядя Ваня, который отзываетъ, впрочемъ, выдуманностью, и напряженною притомъ, — но допустимъ, что дядя Ваня единственный въ своемъ родѣ дуракъ. Но тогда, какъ говорятъ французы, если человѣкъ глупъ, то ужъ это надолго. Какъ же такъ выходитъ, что Войницкій вдругъ становится уменъ и сознаетъ, что онъ „истребилъ и уничтожилъ лучшіе годы своей жизни“ для какого-то олуха царя небеснаго? 47 лѣтъ Войницкій былъ дуракомъ, на 48-мъ вдругъ поумнѣлъ; 25 лѣтъ Войницкій считалъ Серебрякова геніемъ, на 26-мъ онъ увидѣлъ въ немъ посредственность. Гдѣ же виданы и гдѣ же слыханы такія метаморфозы? „Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ

и всякомъ другомъ вздорѣ, говоритъ Войницкій о профессорѣ, двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно,—значитъ двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее". И двадцать пять лѣтъ Войницкій гордится своимъ профессоромъ, живетъ и дышитъ имъ. Когда же онъ узналъ, что профессоръ только пережевываетъ то, что умнымъ давно уже извѣстно? И самая оцѣнка эта показываетъ, что Войницкому были знакомы, кромѣ профессорскихъ, и другія сочиненія объ искусствѣ: какъ же онъ не замѣтилъ раньше, что Серебряковъ повторяетъ чужія мысли, давно уже извѣстныя? Одно изъ двухъ: или эта оцѣнка, дѣйствительно, принадлежитъ Войницкому, и тогда противорѣчіе между нею и его мнѣніемъ о профессорѣ какъ о геніальномъ человѣкѣ—грубое противорѣчіе, или же она навязана ему г. Чеховымъ, и тогда вся психологія дяди Вани грубо-фальшива. Она, дѣйствительно, и груба, и фальшива. Всѣ эти „я дышалъ", „мы гордились", „знали наизусть", „двадцать пять лѣтъ" придуманы только для того, чтобы дать возможность дядѣ Ванѣ выстрѣлить изъ револьвера, то-есть произвести сценическій эффектъ. Публика и критика, не понимая, какая муха укусила дядю Ваню и почему онъ стрѣляетъ въ профессора,—такъ какъ въ самомъ дѣлѣ нельзя же стрѣлять въ людей за то, что они посредственность, даже когда ихъ и принималъ по собственной глупости за геніальныхъ эстетиковъ,—но, не желая показать, что они ниже своего времени, говорятъ, что *Дядя Ваня* — драма „настроенія." А что такое драма настроенія? И можетъ быть это даже не драма настроенія, а нѣчто еще болѣе таинственное и тонкое, драма расположенія духа, напримѣръ?

Въ *Мірѣ Божьемъ* г. А. Б., высказалъ по поводу пьесъ г. Чехова нѣсколько очень основательныхъ и

дѣльныхъ замѣчаній. Въ нихъ „не чувствуется непосредственной правды, а что-то надуманное и тяжелое“... говоритъ онъ между прочимъ. Впечатлѣніе это пропадаетъ, по его словамъ, жизненная правда пьесъ г. Чехова выступаетъ рельефно, если ихъ не читать, а смотрѣть въ исполненіи московскаго художественнаго театра. Это возможно. Но, очевидно, заслуга здѣсь принадлежитъ не г. Чехову, а артистамъ. Сплошь и рядомъ умный и одаренный артистъ дѣлаетъ и изъ плохой пьесы чудеса. Въ занимающемъ насъ случаѣ это тѣмъ легче, что въ г. Чеховѣ чувствуется истинный драматургъ, т.-е. человѣкъ, знающій сценическое искусство, требованія, дѣйствіе и средства сцены. Хорошему актеру не трудно извлечь изъ пьесы такого умѣлаго автора максимумъ ея эффектовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и самъ не лѣнится ихъ указывать. Такъ, напримѣръ, первое дѣйствіе пьесы *Три сестры* оканчивается поцѣлуемъ между Андреемъ и Наталіей. Само по себѣ это уже очень мило какъ конецъ акта, но г. Чеховъ еще прибавляетъ къ этому: Два офицера входятъ и, увидѣвъ дѣлующуюся пару, останавливаются въ изумленіи. Это очень эффектно даже и въ чтеніи. И я по крайней мѣрѣ не испытывалъ, читая, той „нестерпимой скуки“, о которой говоритъ г. А. Б. Напротивъ, меня живо интересовало и въ *Ивановѣ*, и въ *Дядѣ Ванѣ*, и въ *Чайкѣ*, и въ *Трехъ сестрахъ* и даже въ водевиляхъ г. Чехова именно то, что онъ знатокъ сцены и что его пьесы, плачевно-пустыя въ смыслѣ умственнаго интереса, являютъ собою образцы замѣчательной сценической техники. Если при такихъ условіяхъ талантливый актеръ и создастъ при помощи этихъ пьесъ что-нибудь похожее на жизнь, это будетъ, однако, его собственная заслуга. Много тутъ, впрочемъ, значатъ личная впечатлительность и добродушіе зрителя. Послѣдняго не трудно растрогать, произнеся лирическимъ голосомъ, голосомъ, полнымъ слезъ,

двѣ заключительныя тирады Сони въ *Дядя Ваня*. Однако, эти тирады останутся любопытными образчиками какой-то выдавленной изъ себя жеманности стиля, безвкусія и безсмыслицы.

Игра актера можетъ произвести сильное впечатлѣніе даже когда онъ передаетъ чувства или положенія, завѣдомо преувеличенныя, завѣдомо грѣшащія противъ правды; трагедіи намъ ясно доказываютъ это. Доказываетъ намъ это и водевиль съ его шаржемъ. Словомъ сказать, игра актера намъ еще нисколько не ручается за жизненную правду пьесы, и въ занимающемъ насъ случаѣ, какъ и вообще, впрочемъ, авторъ пьесы и ея исполнитель должны быть оцѣниваемы особо. Исполненіе московскаго театра превосходно; это не значитъ, что пьесы г. Чехова жизненно правдивы: въ лучшемъ случаѣ это значитъ только, что сценически, технически онѣ хорошо составлены. Сами же по себѣ онѣ, какъ вполнѣ вѣрно замѣтилъ г. А. Б., производятъ прежде всего то впечатлѣніе, что „въ нихъ не чувствуется непосредственной правды, а что-то надуманное“. Новая пьеса г. Чехова, *Три сестры*, (по имени главнаго дѣйствующаго лица она могла бы называться *Чебутыкинъ*), лишній разъ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Свое впечатлѣніе о жизненной неправдивости пьесъ г. Чехова—впечатлѣніе, измѣнившееся вслѣдствіе игры умныхъ актеровъ,—г. А. Б. объясняетъ нашимъ незнакомствомъ со свойствами и вліяніемъ на интеллигентныхъ людей медвѣжьихъ угловъ. Допустимъ. Но въ этотъ разъ дѣйствіе происходитъ не въ деревнѣ, не въ уѣздномъ городишкѣ, заброшенномъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ Россіи, а въ городѣ со стотысячнымъ населеніемъ; герои пьесы выросли въ Москвѣ, одинъ изъ нихъ, Вершининъ, даже, прямо изъ Москвы и пріѣзжаетъ къ открытію пьесы. Несмотря на это послѣдняя проникнута тѣмъ же натянуто-манернымъ тономъ, что и *Дядя Ваня* и *Чайка*.

Мы находимъ въ ней—и было бы удивительно, если бы не нашли—хорошо знакомую уже намъ хотя бы по *Иванову* и также выраженную въ формѣ вопроса мысль, которую г. Чеховъ особенно цѣнитъ въ коллекціи своихъ идей. „О, гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? восклицаетъ Прозоровъ.— Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны“ и т. д. Какъ видите, опять „мы“. Эта пьеса—тотъ же *Ивановъ*, какъ я сказалъ, съ тою разницею, что вмѣсто водевильныхъ Косыхъ, Боркиныхъ, Бабакиныхъ, главныя дѣйствующія лица обставлены здѣсь какимъ-то звѣринцемъ изъ офицеровъ, изъ офицеровъ, подобныхъ которымъ мы съ вами не видѣли не только въ большомъ городѣ, но и въ самомъ глухомъ захолустьѣ. Впрочемъ, эта пьеса именно и вызвала замѣчаніе г. А. Б.

Такимъ образомъ драмы г. Чехова, далекія отъ правды не передаютъ дѣйствительности такою, какая она есть. Онѣ не могутъ отражать „зло“ жизни и не отражаютъ его. Драматизмъ ихъ чисто искусственный, сценическій, эффектный, внѣшній.

X.

Вообще, всякій разъ, какъ г. Чеховъ хочетъ изобразить человѣка, возвышающагося надъ средой, и вызвать тѣмъ драматическую коллизію между нимъ и этой послѣдней, онъ, какъ мы видѣли, неизмѣнно впадаетъ въ фальшь, создаетъ неправдоподобныя положенія, заставляетъ читателя вѣрить невѣроятнымъ вещамъ и въ концѣ концовъ сводитъ на что-то вялое и придуманное столкновенія между идеалами и дѣйствительностью, смутно представлявшіяся его воображенію въ моментъ замысла драмы или разсказа. Г. Чеховъ носитъ въ себѣ постоянную борьбу-сумятицу противорѣ-

чивыхъ инстинктовъ: его и тянетъ неудержимо къ людямъ, носящимъ идеалъ, и также неудержимо его тянетъ въ сторону отъ нихъ; онъ всѣми силами хотѣлъ бы взглянуть на нихъ широко-открытымъ, яснымъ взглядомъ и въ то же время онъ всѣми силами старается закрывать глаза на нихъ. Объяснить это противорѣчіе—опять-таки дѣло психологической критики. Съ той точки зрѣнія, съ которой писанія г. Чехова разбираются въ этой статьѣ, противорѣчія эти представляются въ видѣ тѣхъ странныхъ, фантастическихъ фигуръ, какія мы имѣли уже случай наблюдать у нашего автора: въ видѣ курицы съ орлиными крыльями, въ видѣ собакъ съ львиными гривами, въ видѣ титаническихъ моллюсковъ. Самая же борьба-сумятица между этими противорѣчіями, помимо только что указаннаго, неизмѣннаго и неизбѣжнаго фальшиваго тона изображеній дѣйствительности, выражается у г. Чехова еще и въ томъ, что ни въ ту, ни въ другую сторону, ни въ сторону свѣтлыхъ, ни въ сторону темныхъ явленій жизни, его творчеству далеко податься нельзя. Тонкіе и сложные процессы, какъ творчество, яркія и сильныя чувства, какъ любовь, ему недоступны со стороны изъ наслажденій и красоты; но и въ той области, гдѣ зарождаются жизненныя драмы, въ области дурного,—все выпуклое, сильное, замѣчательное также находится внѣ силы его творчества.

Такимъ образомъ г. Чеховъ является по преимуществу живописцемъ людей безъ добра и зла, сѣренькихъ, безцвѣтныхъ, безъ сильныхъ желаній, безъ сильныхъ страданій, ограниченныхъ, тупыхъ, словомъ сказать, г. Чеховъ — художникъ „безсмертной пошлости людской“. Тутъ онъ—совсѣмъ другой: онъ естественъ, простъ, необыкновенно правдивъ, тутъ онъ не употребляетъ, да ему здѣсь это и не нужно, никакихъ искусственныхъ пріемовъ, чтобы вызвать въ насъ нужное ему впечатлѣніе или чувство, не настраиваетъ себя на меланхо-

лическій ладъ, не навязываетъ нашей снисходительности добрыхъ ренегатовъ, не ищетъ возбудить въ насъ сожалѣніе къ отступникамъ и перемѣшать въ насъ нравственныя чувства; тутъ развертываетъ всѣ свои средства его слегка ироническій талантъ, и изображенія, которыя онъ тогда создаетъ, таковы, что равныхъ г. Чехову въ этой области положительно нѣтъ у насъ. Его портреты пошлыхъ людей нерѣдко прямо угнетаютъ своимъ реализмомъ,—задыхаешься, чувствуешь, что горло тебѣ схватываетъ, что воздуха недостаетъ въ атмосферѣ, распространяемой вокругъ себя этими людьми. Возьмите хоть въ разсказѣ *Сосѣди* этого господина за сорокъ, который ухитряется, ужъ не знаю какъ, увлечь молодую и красивую дѣвушку и который проводитъ съ нею медовый мѣсяцъ любви въ томъ, что читаетъ ей публицистическія статьи. Вчера, объясняетъ онъ ея брату, мы провели вечеръ съ истиннымъ наслажденіемъ: прочитали вмѣстѣ статью о переселенцахъ. Превосходная статья. Я не удержался, послалъ въ редакцію письмо для автора,—всего двѣ строки: благодарю и жму вашу честную руку.

Особенно выпуклы женскія пошлыя фигуры: жена Никитина (*Учитель словесности*) или хоть эта Наташа въ пьесѣ *Три сестры*, эта возмутительная Наташа съ ея любовью къ своимъ малышамъ. Какое животное! бр!..

Живописуя всесильную пошлость,—засасывающую и растворяющую въ себѣ лучшія, чистѣйшія людскія существованія и остающуюся непоколебимой подъ самыми напряженными усиліями и самыми страстными порывами сильнѣйшихъ изъ людей, какъ остается невозмутимымъ скалистый берегъ моря подъ безполезнымъ напоромъ могучихъ водяныхъ массъ, набрасывающихся на него въ напрасномъ негодованіи,—г. Чеховъ явился бы въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ художникомъ, если бы на ряду съ пошлостью онъ умѣлъ

намъ показать и эти лучшія людскія существованія, съ ихъ чистыми порывами, съ ихъ страстными усиліями, спокойно и холодно уничтожаемыми ею. Безотносительно ни о чемъ судить нельзя. Свойства и дѣйствія пошлости только тогда видишь ясно, когда ее наблюдаешь лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что ей противоположно. А, мы видѣли,—это противоположное и не дается г. Чехову.

Онъ и самъ сознаетъ, какъ узка область, отмежеванная ему свойствами ли его дарованія, или обстоятельствами его литературнаго воспитанія, трудно сказать. Онъ не хочетъ мириться съ этой узостью, онъ усиливается раздвинуть стѣсняющія его межи. „Я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч.“, но „въ концѣ концовъ чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и фальшивъ до мозга костей“. Это говоритъ о себѣ Тригоринъ. Это можетъ сказать о себѣ г. Чеховъ, замѣнивъ только слово „пейзажъ“ словами „людская пошлость“. Эти порыванія г. Чехова на ширь и просторъ обобщающаго творчества представляютъ тѣмъ болѣе волнующее зрѣлище, что самъ онъ, своими словами о фальши, какъ бы говоритъ, что сознаетъ безполезность этихъ усилій. И въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ они были безполезны. Два раза,—въ *Мужикахъ* и въ повѣсти *Моя жизнь*,—г. Чеховъ попытался, точно птица изъ клѣтки, дверцу которой оставили открытой, вырваться на волю и два раза, какъ птица, привязанная ниткой къ клѣткѣ за ногу, онъ долженъ былъ вернуться въ свою тѣсную тюрьму: недостатки, прирожденные или пріобрѣтенные, его дарованія не пустили его вонъ изъ нея. Два раза онъ пытался говорить о народѣ—и кончилъ тѣмъ, что написалъ *Три сестры*.

О разсказѣ *Мужики* говорили, что онъ обнаруживаетъ, будто бы, въ г. Чеховѣ талантъ, имѣющій какое-то подобіе съ дарованіемъ Льва Толстого. Это пустое, конечно. Въ дѣйствительности разсказъ этотъ напоминаетъ по тону и даже по стилю *Подлиповцевъ*, и это, разумѣется, лучшая похвала, какую ему можно сдѣлать. Но если въ своемъ, почти стихійномъ, реализмѣ Рѣшетниковъ безстрашнѣе, безпощаднѣе и, такъ сказать, обнаженнѣе г. Чехова, то вмѣстѣ съ тѣмъ вы ясно слышите въ его рѣчи проникающія ноты того жгучаго состраданія, съ которымъ всѣ лучшіе бытописатели народа говорили о немъ. Разсказъ г. Чехова холоденъ, безразличенъ; въ немъ, пожалуй, слышно огромное и, можетъ быть, слегка досадное изумленіе путешественника, заѣхавшаго въ дальную страну и нашедшаго тамъ совершенно неожиданныя, рѣзкія впечатлѣнія, скорѣе непріятныя, чѣмъ любопытныя—и только. Уже самое названіе *Мужики* звучитъ какъ-то необычно, точно дѣло идетъ о чемъ-то отдаленномъ и чужомъ, какъ если бы, побывавъ на другихъ материкахъ, авторъ намъ привезъ оттуда свои наблюденія, озаглавивъ ихъ *Краснокожіе* или *Бушмены*. Чтеніе укрѣпляетъ только это первое впечатлѣніе. Иначе какъ этой чуждостью, этой отдаленностью умнаго, образованнаго, чисто вымытаго и тщательно причесаннаго г. Чехова отъ глупаго, невѣжественнаго, кудлатаго и грязнаго русскаго мужика, я не могу себѣ объяснить фуроръ, произведенный этимъ разсказомъ, который ничего новаго, ни въ смыслѣ содержанія, ни въ смыслѣ силы и наготы изображенія не даетъ. Но впечатлѣніе, которое онъ производитъ, дѣйствительно, своеобразно. Похоже на то, какъ если бы своимъ разсказомъ г. Чеховъ хотѣлъ сказать: есть въ Россіи особое племя, называемое „мужики“. Живетъ это племя въ ужасной бѣдности, поражаетъ низкимъ уровнемъ своего умственнаго развитія, равнодушіемъ къ смерти, невѣденіемъ божества,

вѣрой въ сверхъестественное и т. д. Цѣлая пропасть отдѣляетъ васъ, культурнаго человѣка, отъ этихъ почти дикихъ существъ.

Г. Чеховъ наблюдалъ одну семью. Но если бы онъ распространилъ свои наблюденія и на цѣлую деревню и если бы эти наблюденія были и совершенно точны, остается все-таки еще вопросомъ, насколько правомѣрно это обобщающее названіе *Мужики*, другими словами насколько г. Чеховъ остался вѣренъ правдѣ жизни. Мы знаемъ, что въ области религіи, напримѣръ,—разъ ужъ рѣчь зашла о религіи,—т.-е. въ области нравственности, „мужики" зачастую имѣютъ болѣе умное, болѣе соотвѣтственное ея духу и, главное, болѣе самостоятельно выработанное понятіе о ней, чѣмъ образованные классы, которые, вообще говоря, о ней никакого понятія не имѣютъ; мы знаемъ это изъ факта существованія раскольничьихъ сектъ. Мы знаемъ, что и вообще для вдумчиваго наблюдателя, умѣющаго проникать взглядомъ сквозь оболочку вещей до ихъ сути, „мужики", при всей ихъ загнанности и нищетѣ, являютъ зрѣлище своеобычной и разнообразной умственной дѣятельности; мы знаемъ это изъ трудовъ, напримѣръ, хоть Глѣба Успенскаго, на вѣрность наблюденій и рисунка котораго можно, я думаю, положиться въ такой же степени, какъ и на точность описаній г. Чехова. И здѣсь такимъ образомъ нашъ авторъ разсмотрѣлъ только одну, неказистую, сторону вещей.

Однако, нашлось въ мужикѣ нѣчто такое, что дохнуло пламенемъ и на г. Чехова. Что это такое, онъ не знаетъ, онъ ищетъ уяснить себѣ это ощупью, неловко. И вотъ какъ онъ поступаетъ. Ольга, которая въ Москвѣ жила хорошо, а въ деревнѣ знала однѣ только непріятности, огорченія и страданія, жалѣетъ однако, что должна ее покинуть. Откуда эта жалость? Г. Чеховъ объяснилъ себѣ не сразу ея происхожденіе, такъ какъ въ перво-

начальномъ текстѣ разсказа было просто сказано: „Ольгѣ было жаль разставаться съ деревней и съ мужиками“. Въ отдѣльномъ изданіи прибавленъ комментарій въ полторы страницы. Ольга „вспомнила о томъ, какъ несли Николая и около каждой избы заказывали панихиду, и какъ всѣ плакали сочувствуя ея горю. Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ; жить съ ними было страшно, они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ?—Мужикъ“. Такъ говоритъ Ольга. Для жены лакея изъ „Славянскаго Базара“ эти разсужденія и слишкомъ сложны по содержанію, и слишкомъ возвышенны по краснорѣчію. Что можетъ знать Ольга, напримѣръ, о томъ, какъ держитъ себя мужикъ на земскихъ собраніяхъ? Очевидно она передаетъ только мысли г. Чехова, который недоумѣваетъ, что такое его поразило, чѣмъ такимъ теплымъ и на него пахнуло отъ этого мужика пьющаго водку, грязнаго, ворующаго, поджигающаго и свидѣтельствующаго ложно? И онъ приходитъ къ догадкѣ, которая была бы возмутительной, если бы не была такой наивной и забавной: „Да, продолжаетъ Ольга, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди“. Да? Мужики страдаютъ, плачутъ какъ люди? Мужики—*все же* люди? Это очень ново. Это *все же* было бы чудовищно, если бы оно не обнаруживало просто неумѣлость г. Чехова разбираться въ хорошихъ ощущеніяхъ, непривычныхъ и странныхъ для него. Ольга продолжаетъ: „тяжкій трудъ, отъ ко-

тораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать ея. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся также отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужиками какъ съ бродягами и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говоритъ ты и думаетъ, что имѣетъ на это право. Да и можетъ ли быть какая-нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только за тѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?“ Такъ-то оно такъ, но изъ этихъ словъ мы еще не видимъ, почему Ольгѣ „было жаль разставаться съ деревней и съ мужиками“. Изъ этихъ словъ мы видимъ только, что Ольга жалѣла мужиковъ и—что мало вѣроятно—искала формулъ для этого сожалѣнія. Но можно жалѣть кого-нибудь и въ то же время не только не жалѣть о томъ, что съ ними разстаешься, но, напротивъ, радоваться этому. А Ольгѣ „было жаль разставаться съ мужиками“, то-есть жаль того хорошаго, что она тамъ пережила и что, очевидно, было сильнѣе того дурного, что она тамъ видѣла и испытала. Въ чемъ же состояло это хорошее, почему Ольгѣ было жаль покидать деревню и мужиковъ? Этого г. Чеховъ не можетъ себѣ уяснить вслѣдствіе непривычки открывать глаза на хорошія стороны человѣческой души. Чуточку его идеи о народѣ проясняются все-таки — въ повѣсти *Моя жизнь*; тамъ мы находимъ, пожалуй, и отвѣтъ на вопросъ, поставленный и нерѣшенный въ разсказѣ *Мужики*. „Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди... (т.-е. мужики), пишетъ Полозневъ. Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая въ общемъ держится на какомъ-

то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своей сохою и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть что-то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напримѣръ, въ Машѣ (женѣ Полознева) и въ докторѣ, а именно: онъ вѣритъ, что главное на землѣ — правда и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость".

Итакъ, Ольгѣ могло быть жаль уходить изъ деревни, потому что она жила тамъ впечатлѣніями, которыхъ она, можетъ быть, не испытывала въ Москвѣ, впечатлѣніями любви къ правдѣ, и среди людей, конечно бѣдныхъ, запуганныхъ и грязныхъ, но тѣмъ отличающихся выгодно отъ видѣнныхъ ею прежде людей, что больше всего на свѣтѣ они любили справедливость. И понятно, что такіе люди могутъ заполонить и привязать къ себѣ сердце, и понятно, что жизнь среди нихъ нравится лучше, чѣмъ гдѣ-либо, несмотря ни на что.

Но обратите вниманіе на то, какимъ способомъ г. Чеховъ замѣтилъ въ мужикѣ хорошую сторону. „Приглядываясь,—говоритъ онъ устами Полознева,—къ мужику поближе, чувствуешь, что въ немъ есть что-то нужное и очень важное"... Эти слова категорически подтверждаютъ высказанную мною мысль, что г. Чеховъ *не хочетъ* видѣть, нарочно пропускаетъ мимо глазъ привлекательныя явленія жизни. Эти же слова объясняютъ намъ и недостатки художественной правды, такъ свойственные произведеніямъ г. Чехова. „Несмотря на мой огромный жизненный опытъ,—говоритъ герой *Разсказа неизвѣстнаго человѣка*,—я мало зналъ людей". Тоже и г. Чеховъ. Онъ видѣлъ очень много всякаго рода людей, но онъ ихъ дѣйствительно мало знаетъ, потому что изъ самолюбивой робости открыть въ нихъ что-нибудь

искреннее, высокое или изъ боязни развередить скрыто болящую въ немъ тоску, онъ упорно не хотѣлъ къ нимъ „приглядываться поближе“. Что же удивительнаго, если такъ, въ томъ, что онъ невѣрно изображалъ ихъ жизнь? Сказать мимоходомъ, это нежеланіе приглядываться поближе къ людямъ, а схватывать поверхностнымъ взглядомъ только двѣ-три черты ихъ физіономіи, которыя въ данныхъ обстоятельствахъ или при данномъ освѣщеніи выступаютъ отчетливѣе другихъ, вынуждаютъ г. Чехова и къ его манерѣ очерчивать двумя-тремя штрихами характеры людей. Въ этомъ пріемѣ почему-то видятъ тонкость искусства, на самомъ дѣлѣ настоящее большое искусство, то, что французы называютъ le grand art, не употребляетъ такихъ пріемовъ. Только очень простыя, грубыя физіономіи можно обрисовать двумя-тремя чертами. Да и то, развѣ не случалось вамъ видѣть тонкій орлиный профиль, измѣняющійся при взглядѣ en face—въ лицо, на которомъ мясистый носъ жирно и тяжело нависъ надъ губами? Ни Толстой, ни Тургеневъ не лѣнились давать терпѣливо и подробно очерченные образы, и потому ихъ характеры полны. Характеры г. Чехова, напротивъ, неполны, какъ мы это видѣли хотя бы на примѣрѣ доктора Благово. Но это мимоходомъ.

Какъ случилось, что г. Чеховъ присмотрѣлся ближе къ мужикамъ: вслѣдствіе ли рѣзкой, притягивающей новизны деревенскихъ впечатлѣній, или просто потому, что въ нихъ онъ не опасался замѣтить свойства, тревожащія его въ горожанинѣ? Какъ бы то ни было, но, присмотрѣвшись къ нему поближе, онъ увидѣлъ не только неприглядную и горькую сторону его существованія, но и ту, другую, согрѣтую человѣчностью, любовью къ правдѣ и справедливости, озаренную инстинктивной „общей идеей—богомъ живого человѣка“,—прекрасную сторону его существованія. Г. Чеховъ могъ

бы направить туда, къ этой другой, озаренной сторонѣ жизни, силы своего дарованія. Но какъ узникъ, при выходѣ изъ темницы, оглушенный внезапнымъ дѣйствіемъ свѣта и шума, отъ которыхъ онъ давно отвыкъ,— г. Чеховъ вернулся въ свою тѣсную, затхлую, скудноосвѣщенную тюрьму.

XI.

Въ послѣдней своей пьесѣ г. Чеховъ снова брюзжитъ на русскую жизнь, не замѣчая, что онъ уже повторяется, какъ мы видѣли это на примѣрахъ Иванова, Неизвѣстнаго человѣка, Прозорова. Вотъ еще примѣръ. Полозневъ въ *Моей жизни* жалуется, что его городъ ничѣмъ не занимается, ничего не производитъ, ничѣмъ не интересенъ. То же самое и почти въ тѣхъ же словахъ говоритъ и Прозоровъ про свой городъ, въ которомъ сто тысячъ жителей. И Вершининъ тоже: въ этомъ городѣ офицеры такъ же неинтересны, какъ и штатскіе. Но вѣдь это же скучно, наконецъ! Да что мы-то, въ Австраліи, что ли мы родились и живемъ, не знаемъ мы русской жизни, что ли? Не найти въ городѣ со стотысячнымъ населеніемъ интересныхъ людей, значитъ просто напросто быть дуракомъ. Такъ какая намъ надобность знать, что думаетъ о своемъ городѣ и о русской жизни дуракъ? Этихъ повтореній г. Чехову слѣдуетъ остерегаться.

Одного дурака видѣть еще занятно, двухъ дураковъ видѣть уже тяжко. Одного дурака нарисовать значитъ еще прослыть за умнаго писателя, но двухъ, трехъ, четырехъ дураковъ рисовать, это ужъ походитъ на неумѣнье рисовать что-нибудь кромѣ дураковъ.

Говорю „походитъ“, потому что на самомъ дѣлѣ *пока* этого еще нѣтъ. Но г. Чеховъ знаетъ, конечно, что въ искусствѣ кто не идетъ впередъ—отступаетъ.

Въ такой же мѣрѣ, какъ повтореній и даже еще бо-

лѣе, г. Чехову положительно нужно опасаться той тенденціи, которая обусловливаетъ художественную неправду его крупныхъ произведеній и вслѣдствіе которой всѣ эти Ивановы, Неизвѣстные человѣки, Прозоровы, Вершинины, всѣ эти „судари мои“ являются, будто бы, жертвами окружающей ихъ среды и тѣмъ характеризуютъ, будто бы, дѣйствительность. На самомъ же дѣлѣ они въ ней не играютъ ни малѣйшей роли, а слѣдовательно и гибнуть отъ нея не могутъ. Г. Чеховъ это знаетъ такъ же превосходно, какъ и мы съ вами. Одинъ единственный разъ, что онъ какъ-то ненарокомъ освободился отъ этой тенденціи, онъ нарисовалъ фигуру, гораздо болѣе характерную для русской дѣйствительности,—фигуру, которая, дѣйствительно, страдаетъ отъ обстановки, окружающей ее, но которая нимало не гибнетъ. Симпатичный и дѣятельный человѣкъ, котораго г. Чеховъ намъ, правда нечаянно, изобразилъ—это докторъ Астровъ въ *Дядѣ Ванѣ*. Человѣкъ этотъ не хнычетъ, не говоритъ, что онъ былъ герой въ 20 лѣтъ, несетъ бодро свои тяжелыя обязанности земскаго врача и, кромѣ того, находитъ время, охоту и силы для другого дѣла—для этого своего лѣса. Заброшенный въ такую глушь, гдѣ кретинъ Войницкій является „свѣтлой личностью“, Астровъ даетъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ прирожденнаго эстетика въ дѣйствительной любви къ природѣ, къ лѣсу. Не скажу, чтобы меня лично эта его побочная дѣятельность очень растрогала. Но это—дѣятельность, а не жалобы, не хныканье, не противная канитель Ивановыхъ, Прозоровыхъ, Вершининыхъ. У Астрова лѣсъ, потому что другого ничего ему подъ руку не попалось. Будь другое, его дѣятельная натура выбрала бы что-нибудь болѣе захватывающее. Такихъ людей на Руси, благодареніе небесамъ, не мало. Я знаю, что нѣкоторые критики видѣли и въ Астровѣ талантливаго неудачника; [можетъ-быть, и по замыслу

г. Чехова оно такъ должно было быть; на самомъ дѣлѣ, однако, это фигура человѣка энергичнаго, хотя и начерченная, повидимому, по недосмотру.

Такіе люди гораздо ближе къ правдѣ нашей дѣйствительности, чѣмъ свищи вродѣ Иванова. Не скажу, чтобы ими одними эта дѣйствительность жила и держалась, но если г. Чеховъ сумѣлъ нарисовать Астрова, то позволительно предположить,—хотя, разумѣется, въ такихъ вещахъ трудно быть увѣреннымъ,—что, отбросивъ отъ себя всякія тенденціи, онъ будетъ въ состояніи дать также образы и тѣхъ людей, болѣе сильныхъ и одаренныхъ, чѣмъ Астровъ, или поставленныхъ въ лучшія условія, чѣмъ онъ, которые сообщаютъ русской жизни ея движеніе.

Пусть г. Чеховъ попробуетъ. Во всякомъ случаѣ ему не мѣшаетъ оставить эту его манеру, непривлекательную и жалкую, „тѣнь наводить“, какъ говоритъ у него же одинъ персонажъ. Раскрашивать небывалыя совершенства нашей жизни его никто не проситъ, и да избавитъ насъ небо, вообще, отъ такихъ богомазовъ. Но нѣтъ и никакой надобности, съ другой стороны, бросать на ея изображенія фальшиво-сѣрые тоны, тѣни, странно безпокоющія душу и точно вѣющія на волю и на мысль холодомъ равнодушія и какой-то пылью тлѣнья и безсилья.

Пусть г. Чеховъ попробуетъ. Пусть онъ „присмотрится поближе“ къ людямъ и къ жизни, пусть онъ подумаетъ надъ своимъ Астровымъ, пусть онъ, въ особенности, вдумается въ свои собственныя слова о мужикѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тогда его дарованіе разорветъ сжимающія его путы и выйдетъ на настоящую дорогу, широкую и ясную.

Парижъ, май 1901.

Дон. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

[2=]

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія

Магазинъ "Трудъ" Москва Тв.